

18+

БЕЛАЯ ПАТЬ

МАКСИМ ЗАХВАТ

Максим Злобин

Белая Рать

«Издательские решения»

Злобин М.

Белая Рать / М. Злобин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903755-8

Пересвет Лютич панически боится чудовищ. Вопреки здравому смыслу, именно охотой на нечисть он зарабатывает себе на жизнь. Какое-то время ему удается избегать работы, но встреча с ведьмой меняет все. Теперь по его следу идет суккуб, соратники считают предателем, а таинственный голос в голове пытается склонить к самоубийству. Как Пересвет справится со всем этим, не будучи Избранным, попаданцем из другого мира, умелым волшебником, великим комбинатором, да или хотя бы просто вменяемым человеком? Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-903755-8

© Злобин М.

© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	27
Глава третья	44
Глава четвертая	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Белая Рать

Максим Злобин

© Максим Злобин, 2020

ISBN 978-5-4490-3755-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

За спиной Пересвета Лютича загустела толпа селян. Для местных людей грядущее зрелище было в радость. Хотя, если уж честно, для местных людей *любое* зрелище было в радость. Женят кого или бьют – или все это происходит одновременно, – люди просто обязаны потоптаться рядышком.

Помнится, последний раз такая орава собралась посмотреть на двойную радугу. А *такое* и вовсе нельзя было пропустить.

В село приехал белый ратник.

Внешне ратник Пересвет Лютич пытался выглядеть задумчивым. Он все бродил и бродил подле крыльца. То многозначительно вскидывал бровь, то покачивал головой в знак согласия или несогласия с самим собою, а то принимался водить руками, якобы, прикидывая, что да как.

Со стороны Пересвет Лютич казался глубоким знатоком своего дела. Спокойным, уверенным и рассудительным. Но это только со стороны. На самом деле все его нутро сотрясало от страха. Он боялся. Боялся крыльца. Боялся двери. Но больше всего на свете он боялся того, что скрывается *за* дверью.

А ведь как не хотелось бояться в такой чудесный день. Негоже честному человеку думать о нечисти, когда солнце едва-едва перевалило за полдень, а воздух вокруг настолько свеж.

Теплый, весенний, он заражал какой-то молодецкой дуростью. Уж больно жаждется, наглотавшись такого воздуха, махнуть на все рукой и поехать к цыганам.

Так еще и вокруг нынче такая красота. Красотища! Впитывая в себя силу самой жизни, набирают цвет листья на деревьях. Тут и там искрятся чистые, прозрачные ручьи. На редких, только что распустившихся цветах батрачат сонные пчелы. Ласковое солнышко греет спину.

Да только вот за прогретой солнышком спиной Пересвета, в толпе, уже объявился *он*. *Сухой старик со ржавыми вилами*. Вестник конца душевных колебаний и палач бездействия.

И как всегда в таких случаях, этот старик не желал быть рядовым участником толпы. Он прямо-таки бурлил праведным гневом. Да так ярко и истово, будто и впрямь был готов – если что-то пойдет не так, – пустить в ход свои вилы.

И орал он, конечно же, громче всех.

Сухой старик со ржавыми вилами. Клянусь, либо он меня преследует, – думалось Пересвету, – либо такой вот хрыч просто обязан быть в каждой маломальской деревне. На тот случай, если вдруг соберется толпа.

А может быть у них, как у зодчих, и артель своя существует. Может и сам князь над этой артелью верховодит. И отбирает строго, не иначе как на службу при казне:

- Когда жрал в последний раз? – сурово спрашивает княже.
- Не помню, Ваше Сиятельство! – отвечает хрыч.
- Похвально. А вилы-то у тебя есть?
- А то, Ваше Сиятельство!
- Ржавые?
- Самые что ни на есть! Аж сыплются!
- Молодец. А теперь ответь мне, мужик, когда тебе надлежит обрестись в толпе?
- В момент наивысшего напряжения, Ваше Сиятельство!
- А точнее.
- А точнее, когда Пересвета Лютича начнет тошнить со страху.

Пересвет туго раздул щеки.

Позади него, как и прежде, гудела толпа.

Иной человек если и боится чего до смерти, так ему страх старым добрым товарищем является. Голову студит, а тело греет, чтобы оно могло шустрее наутек броситься.

Другое же дело Пересвет. Ему страх не товарищ. Скорее уж выживший из ума дед, за которого подчас бывает стыдно.

Ну, право, какая же подлость! Коли позади толпа – Пересвета тошнит. Рядышком крапива разрослась или куст терновый, так его непременно в обморок тянет. Ну а если уж лицом к лицу со своим страхом оказался, то тут самое время застыть. Не иначе как мокрая рубаха на морозе.

Не без должного рвения хочется Пересвета немножечко оправдать. Он не трус. Скорее даже наоборот. И один лишь только страх перед нечистью действует на него так гнусно.

Тут же, а оно и понятно, родится самый простецкий в мире вопрос. А на кой ляд он тогда служит в Белой Рати? Что же он, дурачок, забыл среди этих бесстрашных мужей, что стоят стеной на пороге человеческого мира со зловерной Навью?

Ответ будет еще проще. Ратниками не становятся. Ратниками рождаются.

Великим усилием Пересвет Лютич втянул щеки и прогнал беду восвояси. Беда оставила во рту кислый привкус. Он поморщился. Глаза подернулись бледно-розовым и грозились дать течь.

Хватит, – решил сам для себя ратник, – с чего бы пьянице отказаться от браги, а коню от овса? И с чего бы вдруг *мне* обойтись без каменьев?

Запустив руку через ворот под рубаху, он вытащил наружу багровый самоцвет. Рубин. Резким движением, каким бабульки отправляют себе в рот очередную семечку, ратник закинул камень под язык.

Уютная волна спокойствия прокатилась от макушки до самых пят.

Такая же волна проходит по телу, когда знахарь сообщает вам, что откашливаться кровью в вашем возрасте – это совершенно нормально.

Страх ушел...

Точнее не ушел. И даже не притаился, как подобает страху. Скорей уж он обленился и перестал выполнять свою работу. Он все еще здесь, на виду, но больше не тревожит.

Так же отвар ромашки не лечит зубную боль, но позволяет не маяться ею. Так же опосля близости сочная девица продолжает пленить взор своей наготой, но не будит желания. Во всяком случае, какое-то время.

Пора, – подумал ратник. – У старика с вилами сдают нервы. Может и дел наворотить.

Пересвет Лютич расправил плечи. Вышло неубедительно.

Виной тому удобка и сутулость, которую он, впрочем, мог себе простить из-за недюжинного роста. Пересвет всегда выделялся из толпы, будучи на голову выше большинства мужиков. Высокотелый, зараза, вымахал. Такого ни с кем не перепутаешь. А тем более, что и других примет ему хватало.

Например, волосы. Зачесанные назад, черные и блестящие, словно жирный навозный жучара. Среди местных такое было в диковинку. Народ здесь жил в основном русый, седой или лысый, что по сути одно и то же, только на разных возрастных ступенях.

Ну а что самое броское во внешности Пересвета, так это аккуратный шрам длиною в три перста на том месте, где по идее обязано было обретаться левое ухо.

Ратник уверенно шагнул на крыльцо.

Благодаря рубину, он снова был самим собой. Справедливым и жизнерадостным человеком. Человеком, который даже под ударами судьбы-злодейки насвистывает себе под нос и отмечает, как бы ненароком, что даже его бабка может бить сильнее.

Проверяя на месте ли топор, Пересвет Лютич вплотную подошел к двери. Он знал, что за ней притаилась одна из самых страшных человеческих напастей. И не поверишь сейчас, заглянув в его суровые очи, что этот человек вообще умеет бояться.

Оставив руки свободными, Пересвет Лютич вышиб дверь с ноги.

– Ведьма! Клянусь всеми богами, ведьма! – орал мужик.

Бедняга всем телом вжимался в угол. Его грязный потрескавшийся палец, похожий на вялую морковь, уставился на жену. Дескать, это она ведьма, если кто еще не понял.

Хотя если бы Пересвет Лютич для начала не переговорил с соседями, то всерьез подумал что пришел в эту избу именно по *его* *душу*.

Выглядел мужик точь в точь как упырь. Весь какой-то неряшливый, бледный и худой. Под глазами синяки, взгляд сумасбродный. А борода? Чтобы нарочно свалить в ней такие клоки, нужно вымазать ее в овсяной каше, уложить на наковальню и хорошенечко отходить сверху молотом.

– Ведьма! Ведьма! – не унимался он.

Каждый второй мужик время от времени тычет в свою жену пальцем и орет, что она ведьма.

Бывает, просто хохмы ради. Бывает с перепоею. А бывает и для того, чтобы деликатно упрекнуть супружницу в злом нраве. Но отнюдь не всякий муж вкладывает в это слово тот самый, *правильный* смысл. И уж тем более, не всякий вмешивает в свои семейные разборки Белую Рать.

Как объяснили Пересвету местные, вся эта свистопляска началась позавчера. Всегда тихий и мирный, пастух Глеб ни с того ни с сего потерял покой. Он сгреб в охапку маленькую дочку и на ночь глядя убежал из дома. Глеб слонялся по околотку и молил соседей пустить переночевать, а когда те соглашались, одолевал их рассказами о ведьме.

Вещал пастух много и красочно.

Если коротко, то о том, что тварь якобы извела его жену и приняла ее обличье. А теперь, если верить Глебу, она силится сжить их с дочкой со свету. Хочет заграбастать избу под логово для своих шабашей.

Мнения разделились. Кто-то верил Глебу, кто-то нет. Чаши весов качнулись в тот момент, когда пастух перестал травить свои байки на пустой желудок и принялся заедать расшатанные нервишки соседскими харчами. Тут же общим собранием было решено, что на жену он наговаривает и что ему срочно надлежит вернуться домой.

К тому же вскоре на обход должен был явиться белый ратник. По счастливому стечению обстоятельств, того ратника иногда называли Убийцей Былицинской Ведьмы.

Черт его знает почему, но от этого людям становилось спокойнее.

– Это вы Пересвет Лютич? – спросила вроде как ведьма.

– Это я. Перешвет Утич. Тьфу, – Пересвет выплюнул камень.

А чего бы и не выплюнуть, раз бояться больше нечего?

Отчасти, свое прозвище он получил по праву. Однажды он и впрямь побывал в ведьмином доме. Тогда Пересвет как бы невзначай отметил незаурядное убранство ее жилища. Вместо дверного засова, например, ведьма пользовалась оторванной человеческой рукой. С потолка густыми каплями сочилась кровь. На всю хату воняло вареной кошатиной, а еще, помнится, уж больно затейливо Былицинская натянула на ткацкий станок чьи-то кишки.

В этой же избе было светло и чисто.

Невыносимо вкусно пахло свежим хлебом. Подчеркивая гостеприимство, на столе разлеглось праздничное красное сукно. На нем стояла крынка молока, несколько деревянных чаш и блюдо с баранками.

На белой печи – так чтобы сразу бросалось в глаза, – выстроились в ряд матрешки. Своего рода драгоценность, если припомнить что сельский люд не богат шелками, фарфором и ночными горшками из чистого золота.

По первому впечатлению Пересвету дом понравился. Хороший дом. В каждом его уголке незримо чувствовалась рука хозяйюшки.

Да и сама хозяйюшка была хороша. Лет сорока, ладная женщина в опрятной чистой рубахе и красной юбке. Юбка, по всей видимости, была пошита с той же пряжи что и парадное сукно на столе.

И ничем, кроме зеленых глаз, хозяйюшка не походила на ведьму. А за глаза не убивают. Точнее, убивают, но не у нас, – поправился Пересвет Лютич.

Буквально пару месяцев назад он вернулся домой с чужбины. Слава богам, закончилась его поездка на запад в качестве охранника каравана. Там-то он и насмотрелся на то, как забурные коллеги Рати, что называют себя Святой Инквизицией, убивают и за глаза, и за веснушки, и за слишком низкий голос, и за слишком высокий голос, и за чрезмерную красоту, и за излишнее уродство.

– Ну и что у вас тут, матушка? – спросил Пересвет.

– Да вот же...

Стыдливо опустив глаза, хозяйка отвела руку в сторону мужа. На свадьбе таким вот жестом обычно представляют родственника, за которого ближе к вечеру обязательно станет стыдно.

Как уже говорилось ранее, Глеб сидел в углу. Он прижимал к себе зареванную девчущку лет пяти и ошалело озирался по сторонам.

Прямо перед собой пастух провел мелом на полу кривую линию. В этой своей трогательной наивности он превзошел дрозда, уверенного в том, что вон тот гигантский урод в его гнезде, сжирающий за день больше чем весит он сам – это не что иное, как плод его маленьких дроздовых чресл, а вовсе не подкидыш-кукушонок.

Порой толковая нечисть может выгнать из круга, – подумал ратник. – А из этой недоделки и подавно...

– Что ты с ней разговариваешь!? – заорал пастух. – Убивай ее! Она же ведьма! Ведьма!

– Я все понял. Успокойся.

Пересвет улыбнулся мужику, а после вновь обратился к его жене:

– И давно это с ним?

– Уж третий день как.

– Выпивал?

– Нет, Пересвет Лютич. Не пьющий он у меня.

Значит не горячка, – смекнул одноухий. – И не грибы. От грибов морочит самое большее сутки. Нет-нет-нет. Тут что-то другое...

– Ведьма она! Ведьма! Не слушай ее!

– Да ну какая же ведьма? – ответил ратник с раздражением. – Глеб, не дури. Ты посмотри, какой дом у тебя богатый. Вон, гляди-ка, даже матрешки есть. И дочь красавица. И жена, того и глядишь украду сейчас.

Хозяйюшка улыбнулась. С этой ее улыбкой отпали последние сомнения.

Не могут такие глаза, будь они хоть самыми зелеными на свете, принадлежать ведьме. По неглубоким морщинкам, что обрамляли их, растеклось само добро. А будь у добра свой собственный цвет, так им бы тотчас озарилась вся хата.

– Так что давай, вылезай из угла. Пусти стужу в голову и расскажи спокойно, с чего это ты вдруг супружницу в колдовстве винишь. Расскажи все, как есть. А там, глядишь, разберемся в чем дело.

Позади Пересвета кто-то кашлянул. Не успел ратник обернуться, как заискивающий голос спросил у него:

– Ну что?

Как оказалось, вслед за Пересветом в дом вошла парочка коренастых мужиков, отличных друг от друга лишь по цвету порток, а вместе с ними он... *сухой старик с вилами.*

– Не ведьма? – полюбопытствовал старик.

– Нет, не ведьма.

– А Глеб? Может быть это Глеб упырь?

– Нет.

– Так может малая? Малая-то с нечистым якшается?

– Нет.

Старик тихонечко взвыл. Уголки его дрожащих губ потянуло к земле. Он бросил вилы и резким шагом двинулся прочь из избы. Один из мужиков, было дело, попытался остановить его со словами: «Володь, ну ты чего?», – но старик в ответ крепко боднул его плечом, послал всех присутствующих к чертовой матери и выбежал на улицу, прикрывая лицо руками.

– Не веришь мне? – спросил Глеб.

– Я верю, – честно ответил Пересвет. – Я верю, что тебе *показалось*, что твоя жена ведьма. Такое сплошь и рядом, ты уж мне поверь. Помню, случай был. Мужик обвинял тещу в том, что та псоглавица. Мол, псиной воняет и гавкает постоянно. Ну и что ты думаешь? Выяснилось, что она не гавкала, а кашляла. А псиной воняла из-за того, что купила у цыган шапку, которая на поверку оказалась не бобровой, а...

– Так значит, не веришь?

– Глеб, завязывай.

– Я понял! – пастух недобро улыбнулся. – Ты с ней заодно. Вы *все* с ней заодно.

Ничто так не бодрит обстановку, как нож, приставленный к горлу ребенка. И как это бывает в таких ситуациях, все дружно пригнулись, вытянули руки ладонями вперед и затянули: «О-о-о!».

Сталь ножа коснулась детской шеи. Глеб был настроен серьезно.

Девчонка, маленькая, хорошенькая, послушно застыла, открыв рот в беззвучных рыданиях. Слезы градом, сопли оползнем и слово «мама», кое-как выдавленное сквозь животный ужас – вот и все, что она сейчас собой представляла.

– А я ей дочь не оставлю, – сказал пастух, еле удерживая себя от истерики. – Будь я проклят, если я ей дочь оставлю. Я ее убью. И себя убью. И перед богами чист останусь, потому как по совести поступил.

– Стой!

Вот и вся чертовщина, – подумал Пересвет. – Мужик-то сумасшедший.

Повторить эту мысль вслух стало бы чревато, и потому он сказал:

– Верю! Я тебе верю! И вижу теперь, что ты не шутишь.

– Да что ты говоришь, ведьмин прихвостень? Уверовал?

– Уверовал, Глеб, уверовал! Прямо вот чувствую. Что-то в ней сидит недоброе, – Пересвет кинул на хозяйку дома презрительный взгляд. – Ну что ты, ведьма, довела мужика?

– Довела, Пересвет Лютич.

– У-у-у, зараза!

Ратник погрозил женщине кулаком и осторожно, без резких движений, двинулся к столу. Когда он подошел, между ним и безумным пастухом осталось чуть меньше пяти шагов.

Глазом, невидимым Глебу из его угла, Пересвет подмигнул женщине. Мол, делай, как я скажу.

– Да только и ты меня, Глебушка, пойми. Не могу я ее прямо здесь зарубить. Без суда-то.

– Почему?

– Так не раскальвается она, падлюка, – Пересвет вдарил тыльной стороной ладони о другую ладонь и указал на хозяйку. – Смотри, какова. Стоит вся из себя такая, дескать, переживающая. Как будто бы и не ведьма вовсе.

– И что? Ты же сам сказал, что чувствуешь...

– Так мало ли что я чувствую? Ты представь, Глеб, что будет, если Рать начнет девок казнить за то, что *кто-то что-то* почувствовал? Это что ж тогда случится?..

...знамо дело что. Чума, паника, голод. И до кучи отборные страхолюдины, которых никаким на свете приданным замуж не сплавить. Святая Инквизиция в этом преуспела.

– Я ее с собой в Старый Порог заберу. Натопим смолы, наточим колы, вопросы каверзные подготовим. Мало-помалу, да расколется, стерва. А уж тогда и казним ее добрым людям на потеху.

– Тогда уводи ее! – закричал пастух. – Уводи ее из дома сейчас же! И чтобы духу ее здесь больше не было!

– Именно так я и поступлю, – согласился Пересвет. – Вот только сперва горло промочу, а то пересохло. Эй ты, ведьма! Ну-ка напои меня перед дорогой!

– Сию минуту, Пересвет Лютич.

Услужливая и суетная, женщина кинулась к крынке с молоком.

– И смотри там...

– А? – женщина замерла.

– Не трави меня!

– А, ну да. Как это я сразу не сообразила. Не буду травить, Пересвет Лютич, не буду.

– И еще...

– А?

Снова замерла. На этот раз, уже будучи готовой плеснуть молока в березовую чашу.

– Убери это убожество. Есть у тебя посуда побогаче? Глиняная, например.

– Есть, Пересвет Лютич, есть.

– Так и подавай мне *ее*. Не буду я из этих ваших плошек деревянных хлебать.

– Как скажете, Пересвет Лютич, уже несусь.

– Потому что...

– А?

А действительно, почему? – задумался ратник. – Чего ж мне, собаке привередливой, из дерева не пьется?

– А потому что вот такая я собака привередливая.

– Ну да, ну да, Пересвет Лютич. Так вам-то можно. Вы же ратник.

На красной скатерке, прямо перед ратником, очутилась до краев наполненная кружка молока. Глиняная, как и было велено.

Пересвет Лютич принялся пить. Хлебал жадно, так что по щекам и шее побежали млечные струйки. Будь он красной девицей, цены б ему за такую выходку не было.

– Хорошо! – выдохнул ратник и поднял кружку над головой так, как если бы хотел со всей дури вдарить ей об стол.

Хотел об стол, а попал прямо в рожу пастуха. Обожженная глина расквасила нос и разлетелась осколками.

В два прыжка Пересвет оказался подле Глеба и с силой оттолкнул от него девчущку. Та отделалась царапиной. Настолько легкой, что из нее и кровь-то постеснялась сочиться.

Завязалась борьба. Пересвет навалился сверху и схватил руки пастуха. Из положения снизу, имея опору, Глеб оказался сильнее и его нож двинулся на ратника. Еще чуть-чуть. Еще немножечко и острое лезвие войдет в печень одноухого.

Но таким ли Пересвет Лютич был человеком, который побоится какой-то там раны и ударит обидчика сапогом в пах?

Да, таким.

Все вокруг пришло в движение. В избу хлынула толпа настроенного на самосуд народа. Двое мужиков – те, что в разных штанах, – уже молотили Глеба по роже. Спасенная девочка

бежала навстречу матери, чтобы уткнуться носом в родной подол. «Еб вашу мать, дайте поглядеть!» – орал Володя, не по-старчески бодро подпрыгивая над головами односельчан.

А Пересвет Лютич выполнил свой долг не ратника, но человека, и отошел в сторонку. Уж больно хотелось порвать себе сердце, глядя на сцену воссоединения дитя и матери.

Вот только что-то в этом воссоединении было неправильное.

Хозяюшка, обладательница добрых морщин, вела себя странно. Холодно, будто бы для галочки, она поглаживала ребенка по голове и смотрела на то, как избивают Глеба. Смотрела так... надменно.

Еле заметно, у нее дернулась скула.

Она ухмыльнулась, – понял Пересвет. – Так, как ухмыляются над поверженным врагом.

Ратник почувствовал, как возвращается тошнота.

Я ошибся, – с ужасом подумал он.

Сейчас самое время оставить Пересвета Лютича один на один со своими страхами и разъяснить некоторые моменты, которые касаются его детства, отрочества, а так же мироустройства в целом.

Итак. У человека есть душа. У нечисти, вопреки расхожему мнению, тоже есть душа. И какая-то неведомая канцелярия следит за тем, чтобы на одно брэнное тельце из божественных закровов выделялось именно по одной душе.

Вроде бы все просто. Но где существует канцелярия, там обязательно должны быть ошибки.

Редко-редко да рождаются дети, в которых с младенчества сидят две души. Одна человечья и одна навья, то бишь нечистая.

Будучи в человечьем теле, человечья душа чувствует себя по-хозяйски и преобладает над своей злой соседкой. Ребенок ведет себя совершенно обычно. И ни за что не скажешь, что с ним творится что-то неладное.

Но рано или поздно во сне он начинает видеть кошмары.

С этого момента круто меняется жизнь всех тех, кто каким-либо образом причастен к его появлению на свет. Да и те, кому хватило везения просто поселиться рядышком, тоже огребут по полной.

Когда кошмары войдут в привычку, ребенок начнет ходить во сне. Потом он обязательно тронет пальцем муху. После пальца в ход пойдет вся пятерня, а когда мухи ему наскучат, лихое чадушко примется топить котят и скручивать головы курам.

Дальше – больше. По нарастающей. Как магнит, обладатель двух душ притянет к себе всю окрестную нечисть и постепенно потеряет контроль над своим телом.

О том, что случится после, лучше умолчать, загадочно глядя вдаль.

Но избежать этого легче легкого!

Нужно просто изгнать душу. Глотком воды из реки Смородины, которая протекает только раз в году и только в определенный час в Дремучем Лесу, который находится на границе миров, который от Старого Порога в нескольких верстах, но только пешком, потому как конный по тем буреломам не пройдет, и всего-то надо для того чтобы ее найти в том лесу в определенный день и час заблудиться.

Это только на слух сложно. А по правде-то говоря, дельце ерундовое.

Настоящая загвоздка кроется в том, что неизвестно которая из душ покинет тело. Если ребенок вдруг попытается впиться зубами вам в горло, это значит что вы плохой родитель. Либо – что более вероятно, – это может означать, что его человечья душа отлетела и оставила тело нечисти.

Но если все пройдет благополучно, то напрямик с берега реки Смородины ребенок отправится в город Старый Порог. Там он будет укреплять тело и дух изнурительными тренировками. Он постигнет грамоту и научится вычислять порождений Нави. Узнает повадки, привычки тварей и способы борьбы с ними.

В конце концов, он уже не ребенок. Он Белый Ратник. Единственный человек, способный убить нечисть *окончательно*.

У Пересвета Лютича все пошло наперекосяк с самого начала. К моменту, когда в нем пробудилась нечистая душонка, он достиг того возраста в котором мужчина смотрит на свои волосатые ноги и не может поверить в то, что когда-то они таковыми не были.

Вместо повадок нечисти, маленький Пересвет во всех тонкостях изучил науку перетаскивания мешков муки по амбару.

Когда ему стукнуло двенадцать, отец Пересвета – владелец водяной мельницы и потому человек весьма зажиточный, – купил сыну лошадку, кольчужку, меч, и отправил его в стольный град на службу в дружине.

От человека, у которого имеется собственная лошадка, кольчужка и меч, дружина не отказывалась никогда. Да хоть бы он был горбатым карликом с копчиком до пят. Чего нос воротить, коли все самое дорогостоящее уже при нем?

К восемнадцати годам Пересвет научился драться на всех мыслимых видах оружия. Он изрядно возмужал и был претендентом на отцовство, по крайней мере, десяти окрестных ребятишек. В тот год его впервые взяли в военный поход на Мракобесию.

Мало того что Пересвет вернулся из похода очень гордый тем, что за два года сподобился не убить ни одного врага, он еще и пристал к воеводе с навязчивой идеей учредить чин боевых гусяров. Уж больно запали ему в душу чужеземные слоны, обвешанные барабанами.

Дружинники начали думать над тем, как бы ярь Пересвета Лютича направить в выгодное русло, либо избавить себя от этой обузы. Хотели было даже отравить, но решили что это перебор.

Благо, все решилось само собой. Пересвету начали сниться кошмары. Случилось это к тому моменту, когда он разменял свой третий десяток.

– Ну что ж ты, сынок? – сказал ему отец в *тот самый день*. – Ты б еще до седых мудей подождал.

Говоря *«тот самый день»*, Пересвет Лютич всегда имеет в виду тот мрачный дождливый четверг ревуна-месяца несколько лет тому назад.

Вся его семья от мала до велика собралась тогда на их мельнице.

За окном, пуская по небесной пятке мерцающие трещины, метался молниями Перун. Ветер бесился и клонил к земле молодые березы. Стена дождя проливалась чуть ли не вдоль земли. А бывший дружинник и будущий ратник Пересвет Лютич уже почти потерял контроль над своим телом.

В *тот самый день* в их избу залез упырь.

Когда б нечистый убил всю его семью, Пересвет мог бы стать трагичным персонажем. Одержимым мстителем, что за привычку имеет недоговаривать фразы и прикладывать палец к губам собеседника, чтобы тот недоговаривал фразы.

Однако ж в *тот самый день* упырь выломал ставню, споткнулся об ушат с водой, в падении оторвал Пересвету ухо и, чертыхаясь, скатился по лестнице в подпол. Там его и закрыли до прибытия Белой Рати.

В *тот самый день* из-за выломанной ставни сильно простудился дед Пересвета. Через две недели дед... выздоровел.

Вот так человек, который до смерти боится нечисти, стал охотником на эту самую нечисть.

Как и в случае с обладанием лошадкой и кольчужкой, Рать не брезговала никем. Даже двадцатилетним лбом, который валился в обморок от одного упоминания о русалках.

Пересвета прикрепили к умудренному опытом ратнику Добромыслу и отправили объезжать окрестности.

Именно Добромысла нужно благодарить за то, что он открыл удивительную способность Пересвета пользоваться самоцветами.

Во все времена и во всех странах люди приписывали драгоценным камням волшебные свойства. Тот-то сделает вас бесстрашным, этот принесет богатство, а вон та каменюка помогает от прыщей. Сказать, правда ли это по отношению к обычному человеку невозможно. А вот для Пересвета Лютича все эти суеверия обрели вполне себе реальные очертания.

Таков оказался его *дар*.

Говорят, что это боги награждают человека, который победил в себе нечисть. У каждого ратника имелись способности, выходящие за грань понимания. У Добромысла вот, к примеру, был дар ладить с лошадьми. Помнится, он даже спал в седле на полном скаку и нисколько не боялся упасть.

Долго ли, коротко ли, под присмотром наставника и ратного скомороха Мирона Маховича, Пересвет путешествовал по миру. Путешествовал он до тех самых пор, пока дорожка не завела его в село Былицино.

Тамошняя ведьма не захотела умирать. Она ретиво воспротивилась и дала ратникам бой. В том бою Добромысл потерял ногу, а Пересвет на целый год стал народным героем.

Благо, народ не знал, что их герой выжил лишь благодаря скомороху. Ведь именно он на самом деле убил ведьму. Оружием Мирона Маховича в тот день стала обмякшая рука Пересвета, который по своему обыкновению валялся в несознанке.

Народ об этом не знал, а вот ратники знали. Знали и начали думать над тем, как бы таланты Пересвета Лютича направить на благое дело, либо поскорей от него избавиться. Хотели было даже отравить, но решили что это перебор.

К счастью, работенка для Пересвета нашлась. На два года он отправился вместе со столычными купцами на запад. Продавать воск и пушнину.

За все время на пути каравана так и не повстречалось никакой нечисти.

А жаль. Ведь тогда, быть может, Пересвет засел бы за учебу. И тогда приметил бы, что в доме у зеленоглазой хозяйюшки метелка стоит прутьями вниз и подпирает собой заслонку печи. Так, чтобы можно было по-шуструму вылететь из дома.

И на печи, за матрешками, приметил бы прикрытое тряпицей зеркало. И голую уродливую рябину за окном, которая выбивается из общей внешней благодати, тоже приметил бы.

Но если бы, да кабы, то во рту росли б грибы...

Стараясь не сорваться на бег, Пересвет Лютич зашагал к выходу из хаты. Он снял с пояса нож и как можно незаметней метнул его в сторону. Несмотря на дрожь в руках, лезвие вошло точно в угол избы.

Пересвет выскочил на крыльцо. У дороги, привязанная к забору, стояла его лошадь.

Он мог бы поклясться, что коняга только что подмигнула ему. Мол, давай-ка, Пересвет Лютич, сделаемся точкой на горизонте. Все ты правильно сделал. Безумца обезвредил, детеныша спас. Кто молодец? Пересвет Лютич молодец! Давай же, поехали!

Эн-нет, коняжка, – ответил Пересвет лошади. – Это будет *неправильно. Несправедливо.*

– А ну-ка, вышли все на улицу! – крикнул ратник. – Глеба тоже выводите!

– Да и девчонке воздуха хлебнуть не помешает! – подумав, добавил он.

Толпа послушно покидала дом.

Дочь Глеба тут же увел соседский мальчонка. Ровесник девочки и, судя по всему, ее хороший друг. Он утащил ее за калитку, пообещав показать огромный муравейник.

Сам Глеб покинул избу, свисая с плеча огромного мужика. Он выплевывал зубы и скалился улыбкой заядлого любителя каш и протертых яблок.

Как и положено по правилам гостеприимства, хозяйюшка стояла около двери до тех пор, пока последний человек не покинул дом.

– Матушка, мне бы с вами переговорить, – сказал Пересвет через порог. – Может, есть у вас на заднем дворе беседка? Или лавчонка какая. Да хоть пенек сгодится, если честно.

– Так знамо дело, Пересвет Лютич, пойдете.

Хозяйюшка сделала шаг. Затем еще один. И еще. И тут, на самом пороге, она будто бы ударилась коленом о невидимую стену.

Женщина осеклась. Зеленые глаза на миг стрельнули в угол, из которого торчал нож.

– Да зачем же мы будем по улице слоняться? – спросила она.

– А почему бы и нет? – ответил Пересвет.

– А потому что у меня, между прочим, и медок имеется. Хороший, крепкий. Прошу вас, Пересвет Лютич, не откажите в милости пригубить со мной чутка. А то мне, ишь, человек дочку спас от лиходея, а я его молоком пою. Как козленка какого-то.

– А я не пью, – соврал Пересвет.

– Ну тогда салыца откушайте. Уж нет человека, который бы от свининки отказался.

– Вера не велит, – соврал Пересвет еще раз.

– А велит ли вам вера принять ту благодарность, которую может выказать неженатому мужчине незамужняя женщина? – хозяйюшка опустила глаза. – Я ж теперь, выходит, незамужняя. Чай, не за сумасшедшего замуж выходила.

Вот тут ты, конечно, угадала, – подумал Пересвет и почувствовал, как кровушка отлила от головы и устремилась вниз. Однако вслух он произнес:

– Скопец, – тяжелый вздох. – В детстве неудачно через забор перелез.

Хозяйюшка неприятно ухмыльнулась.

– А может быть тогда, Пересвет Лютич, – сказала она, – мне вытащить из угла нож и распороть вам глотку? А то уж больно вы затянули с разговорами.

За плечами хозяйюшки задрожал воздух.

Ее опрятная белая рубаха и красная юбка принялись чернеть, как чернеет береста над пламенем свечи. Сцепившись друг с другом, наряды обычной сельской девки прямо на глазах садились в размере и становились тесным платьем. Облегающим и черным, как вороново крыло.

Тело хозяйюшки преобразилось до неузнаваемости. Она стала выше и фигуристей. Платье приоткрыло налившуюся грудь и одну ногу аж до самой талии.

Лицо тоже менялось. Нежная пухлость хозяйюшки уступила место другим чертам. Хищный, более узкий разрез глаз. Хищные, более тонкие губы, а за ними хищные белые зубки. Подбородок стал настолько длинным и острым, что им впору было дырять сыромятную кожу. Расплелась и почернела русая коса.

Не дожидаясь обморока, одноухий закинул в рот рубин.

– Заходи, Пересвет Лютич, переговорим, – сказала ведьма и двинулась вглубь избы.

Наблюдая за дракой через окно, даже хотелось собрать сельских музыкантов. Попросить их сыграть что-нибудь бодрое и веселое под стать зрелищу.

Вот пробежала ведьма, а за ней Пересвет Лютич с топором. А вот уже Пересвет Лютич бежит в обратную сторону, но топор теперь у ведьмы. А вот топор пролетел сам по себе, а за ним Пересвет Лютич, оседлавши ведьму верхом.

Самоцвет под языком справлялся на отлично, но иногда страх все-таки прошибал волшебную преграду. Тогда ратник залезал на печь. Там он тихонечко хныкал и швырялся в ведьму матрешками.

В ответ ведьма колдовством нагоняла жар в печи. Пересвет шпарился, спрыгивал с нее, и бой продолжался врукопашную.

Прыгая по избе и уклоняясь от черных шипов, которые то и дело выстреливали из ногтей ведьмы, Пересвет отметил одну странность. Как только пыл битвы слегка приутихал, нечистая пыталась откинуть крышку погреба. В эти моменты ратник набирался храбрости и отгонял ее прочь.

Мало ли что там может оказаться, – думалось ему. – Или *кто*.

Прошло полчаса.

Держась за правый бок, Пересвет Лютич привалился потным лбом к печке. В дальнем от него углу избы, на единственной уцелевшей лавке, сидела ведьма. Претящий всему оккультному румянец полыхал на ее щеках.

Ведьма то сдувала со лба прядку волос, то большими пальцами поправляла плечики платья, то обмахивала шею ладонями. Так зачастую ведут себя деревенские бабы, когда передыхают от стирки.

– Тебя где так драться научили? – спросила она и расчертила в воздухе руны огня.

– Ай, твою мать! – вскричал Пересвет, отпрянув от раскалившейся печи. – Да уш явно не в Штаром Пороге.

– Оно и видно, – согласилась ведьма. – Там такому не научат. Ну, так что? Ответишь?

– В дужыне.

Пересвет выгнул спину. Раздался хруст затекших позвонков. Он слишком устал, чтобы бояться и решил, что на минуточку можно позволить себе вытащить рубин изо рта.

– В дружине, – повторил он. – Восемь лет тренировок. Меч, лук, шестопер, нож, топор, полуторка.

Ратник вытер лоб и закинул самоцвет обратно.

– Копё, вехом на ошади.

– Не хило, – ведьма поднялась со скамьи. – Хоть буду знать, кого сгубила. Ратник-дружинник. Первый раз такое слышу. Ну что, давай заканчивать?

Пересвет кивнул.

Ощетинившись сотней черных колючек, нечистая зашипела и бросилась на ратника.

Момент истины, – решил Пересвет. Он схватил заслонку печи и выставил ее перед собой на манер щита.

Выучка, выучка и еще раз выучка. Когда б Пересвет Лютич стоял в стене щитов, то держать его следовало бы ровно и крепко. Но один на один с противником, который несется на тебя сломя голову, стоит развернуть щит немного под углом, расслабиться и успеть вовремя поставить подножку. Такой недотепа пролетит мимо, обязательно упадет и предложит под удар свою спину.

Так вышло и сейчас.

Со всей своей молодецкой дури ратник вогнал топор в ведьму. Попал рядом с плечом и, предположительно, перерубил ей ключицу.

Ведьма заорала так, как заорала бы сова во время схваток, будь совы живородящими. Спустя пару секунд ее крик сорвался до визга. Голой рукой она взялась прямо за лезвие и вырвала из себя топор.

Не дожидаясь повторного приглашения на тот свет, ведьма упала на потолок.

– Слезай! – в голосе Пересвета сквознула обида. – Слезай, кому говорю!?

Зеленые глазищи засветились. Нечистая что-то проворчала на незнакомом ратнику языке.

Это *не заклинание*, – почему-то твердо решил Пересвет. Позже он вспомнит, что именно эту же фразу частенько кричали ему в спину восточные торгаши, когда он пробовал дыню, но не покупал дыню.

Ведьма подобрала ноги, приготовившись к прыжку. Казалось, что рана ее совсем не беспокоит. Тварь оттолкнулась от потолка и, к удивлению Пересвета, проскочила мимо него. Перекувырнувшись через голову, она схватила и оседлала метлу.

А-а-а, – подумал ратник, – так вот зачем ей платье, в котором одна нога совсем голая.

Ведьма улыбнулась Пересвету так, как отчим улыбается обгаженной пеленке своего пасынка.

Еще увидимся, – хотела сказать она, но решила, что фраза уж слишком заезжена. Ведь не столько злодея злодеем злодейство делает, сколько лютый вид и бойкое слово. Хату поджечь любой дурак может, а ты попробуй-ка уйди прочь, ни разу не обернувшись на пожар.

Так что же сказать?

Мы не прощаемся? Оглядывайся почаще? Я всегда рядом? Столько смачных фраз приходит в голову, когда казнишь воображаемых врагов в ночном бреду. А когда надо, на языке одна нелепица.

В этой своей обременительной задумчивости, ведьма оторвалась от пола. Она сделала круг по избе и молча шмыгнула в открытое чело печи.

Погреб, – пронеслось в сознании ратника. – Если уж взялся за дело, так доведи его до конца.

Погреб, – пронеслось в подсознании ратника. – Если уж взялся за дело, сделай его так, чтобы потом не пришлось переделывать. А то потом выяснится какая-нибудь херня, так тебя же обратно и отправят.

Крышка погреба отверзлась без леденящего душу скрипа. Без пробирающего до костей скрипа, без скрипа, от которого по спине пробегали мурашки, да и без какого-бы то ни было скрипа вообще.

Из темноты на Пересвета не уставились желтые глаза, полные злобы и ярости. И красные, в которых полыхало первобытное безумие, тоже не уставились.

Никто не хихикнул во мраке. Никто не поманил его бледной рукой. Да и к тому же, как назло, в спертом воздухе подвального помещения Пересвет не уловил ноток тлена.

Однако ж все эти приятные мелочи так и не смогли заставить ратника выплюнуть самоцвет.

После того как ведьма вылетела из печной трубы и увистела прочь, толпа вернулась обратно в дом. Люди обступили Пересвета и смотрели на то, как он начинает свой решительный спуск вниз.

Если под страхом смерти ведьма так рьяно порывается залезть в погреб, стало быть, его обязательно нужно проверить, – так размышлял Пересвет Лютич *до того*, как напоролся на ржавую иглу, торчавшую из ступеньки. *После этого* он изменил свое мнение. Теперь он думал, что если ведьма так рьяно порывается залезть в погреб, то умней всего будет заколотить его, навалить сверху курган и приставить охрану. Но было слишком поздно.

При других обстоятельствах, ржавая игла грозила бы в худшем случае столбняком. Но здесь, в погребе ведьмы, ее укол означал проклятие и только проклятие.

Ратник вырвал иглу из подошвы своих богатых кожаных сапог. Помнится, ему их ссудили за хорошую службу те караванщики, с которыми он ходил на запад.

Что ж. Самое худшее, что могло произойти, уже произошло, – смиренно подумал он и двинулся дальше.

Что же это будет? – гадал ратник. – Венец безбрачия? Как-нибудь переживу. Порча на нищету? Тоже не беда. Отвод удачи? Распри с родней? Рога вырастут? Или, быть может, обращаюсь в бобра? Есть на свете беролаки, кошколаки и волколаки, а я буду, мать его, бобролаком. Боборотнем.

Погреб оказался совсем махоньким и тесным. С его-то ростом, Пересвету пришлось ссутулиться вдвое сильнее обычного. Расставь он локти, уперся бы одновременно в обе стены. Так еще и вляпался бы во что-то склизкое и противное.

А ведь она здесь всего-то три денька погостила, – удивился Пересвет Лютич, рассмотрев в противной осклизлости плесневелую репу и яблоки.

Там где живет ведьма, все вокруг чахнет с поражающей скоростью. В том числе и люди. Впереди, в непроглядной темноте, что-то блеснуло.

– Запалите лучину! Не видать ни черта! – крикнул Пересвет.

Спустя минуту сверху появилась чья-то волосатая рука, передала ратнику огонь и поспешила пропасть.

Мрак рассеялся. У дальней стены обнаружился небольшой столик. Столик был устелен черным бархатом. На нем лежали свеча, череп, книга и масляная лампа.

Свеча – толстая и оплывшая воском.

Череп – зловещий, человеческий, скалящийся.

Книга – огромная, в кожаном переплете, с двумя застежками и железными набойками по углам.

Лампа – латунная, восточная, с выбитыми по бокам странными письменами. На вид что-то вроде арабской вязи, а может быть она и есть, как знать?

Короче говоря, каноны мистики были выдержаны со всей скрупулезностью. Не хватало разве что чумазой куклы на кресле-качалке.

Пересвет Лютич внимательно рассмотрел все это.

Книга! – просиял он.

Одноухий представил, как старшие ратники соберутся вместе, чтобы отчитать его. Мол, плохой Пересвет Лютич. Упустил, мол, ведьму, увалень криворукый. Ступай в угол, становись на горох и думай над своим поведением.

А он возьмет тогда, отобьет ладонями об колени и вытащит эту книгу. Настоящий ведьминский фолиант.

Один из старших, Бажен Нежданович, точно завизжит от счастья. Все знают, что у него какая-то нездоровая страсть к чтению.

Ратник расстегнул застежки и раскрыл книгу на первой странице.

Пересвет уставился на непонятные закорючки с тем же недоумением, с коим барский сыночек смотрит на умывальник, сверстаный из прохудившейся кастрюли и гвоздя. Мозг ратника заскрежетал.

Погладь меня...

Пересвет Лютич пролистнул пару страниц. Ни слова не понятно.

Погладь меня...

Если бы не жуткие рисунки и обилие оккультных символов, то можно было бы решить что эта книга принадлежит ребенку. Уж больно старательно ведьма наклепала в нее сушеных листьев и птичьих перьев.

Дескать, так и так, вчера залез в ласточкино гнездо. Вот такие у ласточек перья. Завтра обдеру соседский клен.

Погладь меня...

Пересвет Лютич захлопнул книгу. Теперь его взгляд обратился к лампе. Интересная такая. Красивая.

Давай же... Погладь меня...

Рука ратника неуверенно потянулась к лампе. Ладошка вспотела. Задергались, словно с похмелья, тонкие длинные пальцы.

Давай... Тебе же хочется...

Душный воздух погребца резко посвежел. Будто бы рядышком только что шарахнула молния.

Давай же... ДАВАЙ!!!

Пересвет схватился за край бархатной скатерти и накинул его на лампу.

Э-э-э! Ты чего?

А чего ты хотел? Если в голове родится шепчущий голос, который велит что-то сделать, стало быть, этого делать не нужно. Разве не так?

Я – твоя интуиция!

Хуиция.

Что? Ах ты... Да ты просто слабак.

Эн-нет. Вестись на слабо от шепчущих голосов тоже чревато. Что ты такое?

[вздых] Ай да раскусил ты меня, добрый молодец. То испытанием было мудрости твоей, да смекалки. Теперь вижу, что тебя так просто не проведешь. Я бог твой, кузнец небесный, Сварог-Батюшка. Занедужил я слегка, вот меня ведьма злая и сподобилась в лампу заточить. Ты погладь меня, чтобы...

Сварог-Батюшка, у тебя акцент. Не сильный, конечно, но все равно. Кажется, что ты вот-вот предложишь мне купить ковер.

А ты, как я погляжу, часто с богами разговаривал, да!?

Слушай, прекрати. Ты не бог.

Бог.

Нет.

[тишина]

Ты как-то связан с проклятием, да?

[тишина]

Так связан или нет?

[тишина]

Скажи хоть, что за проклятие-то?

[тишина]

Осторожно, чтобы не коснуться лампы, Пересвет Лютич плотно завернул ее в черный бархат и перекинул через плечо. Книгу он сунул подмышку и полез вон из погреба.

Пересвету нравилась служба в Белой Рати. Нравилось ездить по деревням, ночевать в незнакомых домах и знакомиться с новыми людьми.

Да и как это может не нравиться? Все вокруг тебе рады. Детишки бегут за тобой вслед, старики норовят налить чарку, а девки от рассказов про «ежедневное хождение по лезвию ножа» млеют и становятся в разы стоворчивей.

Но когда дело касалось *настоящей* работы, Пересвет редко мог обойтись без совета других ратников. Вот и сейчас, когда над ним нависло неизвестное проклятие, а в походном мешке успокоилась говорящая масляная лампа, у Пересвета Лютича была одна дорога.

В Старый Порог...

Мужчина смотрел на город.

Развернись дело на западе, мужчина наверняка стоял бы на крыше.

Промокший от мелкой неприятной мороси, он смотрел бы вниз. На грязно-серый камень мостовых, перетекающий в серость домов, что в свою очередь сменялась бы тоскливым серым небом, местами очерненным кострами Инквизиции.

Он бы наверняка слышал крики убиваемой проститутки и яростные пiski крыс, дерущихся за право обглодать лицо бездомному.

Он бы думал о том, что видел истинную суть этого порочного города и знает, что тот по праву заслужил свою чуму. Или о том, что скоро вся эта чудовищная смесь из греха, похоти, нечистот и крови настолько пресытит город, что наступит точка невозврата и тогда лучшим и единственным решением станет табуретка и крепкая петля.

Но дело, все-таки, происходило не на западе.

Мужчина смотрел на город, привалившись спиной к недостроенной бане. От города она расположилась примерно в полуверстах и не достроена была, скорее всего, именно поэтому.

Позади еле слышно шелестел хвойный лес. Над головой, в пока еще светлом небе, зажглась первая звезда. Волны разнотравья, обычно штормящие поле, улеглись в полнейший штиль.

Воздух был мягок и свеж.

В такую погоду душа рвется напополам. Хочется ей от всего этого покоя, царящего вокруг, взять да и уснуть с глупой улыбкой на устах. Но и прыгать через костер, опрокинув кувшин браги, тоже ой как хочется.

Не хочется этой егозе только выбирать.

С города мужчина переводил взгляд на аккуратную половинку бледной луны и обратно. Интерес у него был и там, и там.

Интерес в городе – узнать, как скоро толпа мальчишек смиритсЯ с тем, что кататься на свинье не весело. А что до луны...

– Добрый вечер.

– Моравна?

Мужчина подскочил от неожиданности.

– Моравна, ты?

– Ну а кто же еще?

– Отлично. Лампа при тебе?

– Нет.

Мужчина умолк на некоторое время.

– А где она? – спросил он с ложным дружелюбием.

– Я тут с ратником одним поцапалась. Короче говоря, лампа у него.

– Что? Как? Где? Когда?

Казалось бы, когда все вопросы были заданы, вдогонку им родился еще один.

– Ты совсем охуела?

– Следи за языком.

– Так, – мужчина зажмурил глаза и схватился за переносицу, – объясни что случилось.

– Белый ратник отбил у меня лампу. Вот и все, что случилось.

– Что значит *отбил*? Ты что, не могла с ним справиться?

– Да ты бы с ним тоже не справился. Матерый он, зараза. Крепкий. Говорят, что это он убил Былицинскую. А мне моя жизнь, знаешь ли, дорога.

– Это одноухий что ли?

– Да, одноухий.

– Лютич?

– Ага.

– Он не убивал Былицинскую. Ему повезло.

– Повезло, не повезло, а каждый второй злодей погибает из-за того, что кому-то повезло.

Вот скажи, оно мне надо?

Мужчина уже не слушал ее. Пыльным мешком по голове – это не про него. Это слишком скупо. Его по голове вдарили мешком железных опилок.

Ведьма запрыгнула на верхнее бревно недостроенной баньки. Она закинула ногу на ногу и наблюдала. То за мужчиной, который нервозно вышагивал из стороны в сторону, то за мальчишками вдалеке.

С полдюжины, мал мала меньше, мальчишки обступили свинью.

Перед тем как своровать животное из хлева, они уже напридумывали себе всякого и, как это частенько бывает, сильно разочаровались. Они думали, что будут весело скакать верхом на свинке по всему городу. Их свинка обязательно будет розовой, шустрой и улыбчивой. Она будет перемахивать через заборы и на раз-два уходить от погони городской стражи.

На деле все оказалось не так. Свинья оказалась серой и медлительной. А улыбчивой она не могла быть по своей природе. Не то, чтобы это какая-то примета, но если вам улыбается свинья – самое время ее забить. Желательно, издалека.

Так рушатся детские мечты. Животинка недовольно пятилась назад. Всякий раз она скидывала с себя ездока.

Хорошенечко поразмыслив, мужчина сказал:

– Ты понимаешь, что нам конец?

– Тебе.

– Нам! – крикнул мужчина. – Ты думаешь, что *он* тебя не тронет? Сомневаюсь...

– Не тронет. У *него*, как и у меня, полным-полно времени.

– Ну да, – печально согласился мужчина. – Действительно. Я-то не могу по сотне лет выжидать. Чай, не продавал душу за бессмертие.

– Согласна, тут ты продешевил.

– Очень смешно, – мужчина скривился. – А я знаю, что будет дальше. Одноухий потеряет лампу. Или проиграет. Или пропьет. И искать нам ее до скончания века.

– Не думаю.

– Почему?

– Потому что он принесет ее тебе напрямик в руки. Причем в самое ближайшее время. Как раз сейчас, – ведьма взглянула на одинокую звезду в небе, – он наверняка гонит лошадь во весь опор.

– Объясни.

– Если он нашел лампу, то нашел и мой прощальный подарочек. Проклятье.

– Что за проклятье?

– Проклятье, которое он не в силах снять самостоятельно. Он будет искать помощи. Смекаешь?

– Смекаю.

Мужчина облегченно выдохнул.

После бурного совета, один из мальчишек бегом помчался к ближайшим кустам.

– Значит, говоришь, скоро он будет здесь? Вместе с лампой?

– Могу поспорить.

– Хорошо, – мужчина окончательно успокоился. – Надеюсь, ты права.

Теперь он примостился на срубе рядышком с ведьмой. Искоса мужчина посматривал на ее голую ногу. Будь эта нога куриной, она наверняка была бы жареной. Не потому, что расходилась на волокна или блестела от проступившего жира, а потому что от одного взгляда на нее разыгрывался аппетит.

Ждать Пересвета придется долго. По крайней мере, до утра, – размышлял мужчина. – Так даст или не даст? Чего ведьме стоит-то? Видал я, в каком они состоянии с шабаша уходят. Как будто им к пяткам коромысло подвязали. Уж вряд ли при таком раскладе ведьмы относятся к своему телу, как к святыне.

А тем временем двоих маленьких бунтарей разобрали по домам. Остальные охаживали свинью букетом тонких прутиков. Все было тщетно. Теперь хрюшка пыталась зарыть голову в землю, чтобы хоть как-то защититься от побоев.

– Что за проклятие? – спросил мужчина.

– Тебе правда интересно?

– Да. Говорят, на востоке все совсем иначе, нежели у нас.

– Правду говорят.

– Так может, расскажешь?

– Если вкратце, то на Пересвета Лютича открыл охоту суккуб.

– Суккуб?

– Бес, если по-нашему. Только вот немного, – ведьма попыталась подобрать правильное слово, – *любвеобильный*. Этот бес родился одновременно с во-о-он той звездой и уже рыщет в поисках своей жертвы.

– Ну и что? Одноухий, какой-никакой, а ратник. Может убить твоего беса.

– Не может. Ее нельзя убить.

– *Ее?*

– Да, *ее*. Ее невозможно убить. Ее можно только задержать. И то, лишь до полнолуния. А дальше все произойдет так же неотвратимо, как смена времен года. Так что, если хочешь, можешь не марать об Лютича руки. Просто отними лампу и отойди подальше. Чтобы кровью не забрызгало.

– Кровью? – мужчина хохотнул. – Кровью, это да. Кровью, это ты любишь.

Ведьма щелкнула пальцами. Вдалеке затравленное животное поднялось на задние лапы. Передние свинья скрестила у себя на груди.

– Хрю, – четко произнесла свинка и рванула «руки» в разные стороны. Из копыт с металлическим лязгом выдвинулись лезвия.

– Хрю-хрю, – добавила она, провозжая мальчишек взглядом и... улыбнулась.

Часом ранее, Пересвет Лютич скакал по полю и размышлял о природе рождения еловых островков вдоль заезженной двухколейки.

Вот кабы *яблонь* вдоль дорог росли, такое бы я понял, – ломал себе голову ратник. – Ехал купец, куснул яблоко, а огрызок выкинул. Выросла яблоня. Но ель-то откуда? Не будет же путник в дороге шишку жевать?

А может это белка шишку грызла, увидела охотника и побежала в поле? Бежала-бежала, а потом подумала: «Зачем мне шишка? Еще найду!» – и выкинула ее.

Оно, конечно, может быть. Но с чего бы белке бежать спасаться в поле?

А мало ли чего ей в голову взбредет? Она же белка!

Ну-у-у. Так, знаешь ли, можно все на свете объяснить.

А так и нужно все на свете объяснить!

Может быть ты и прав.

Пересвет одобрительно кивнул. Такая жизненная позиция была ему очень близка. Но время в дороге само себя не скоротает, и ратник продолжил размышлять на волнительную тему.

Хотя знаешь, что я заметил? В каждом таком ельнике обязательно есть муравейник. Может это муравьи в поле шишки таскают?

[тишина]

Догадка-то интересная, разве нет?

[тишина]

Эй? Как думаешь-то?

[тишина]

Как выяснилось, Пересвет не боялся бестелесной нечисти. Более того, он потихоньку начал привыкать к голосу Лампы.

Солнце, которое за последние полчаса успело побывать белым, желтым, розовым и красным, наконец-то скрылось из виду.

Пересвет заблаговременно выспался и не собирался останавливаться на ночлег. К утру он планировал покрыть сорок верст пути, перейти реку вброд и в какой-нибудь попутной деревне сменить уставшую лошадь. Там же на скорую руку чем-нибудь подкрепиться и к полудню быть в Старом Пороге.

Чтобы не околеть в ночную пору, Пересвет Лютич накинул тулуп из овчины.

Уже несколько часов он скакал по широченному полю, не имевшему ни конца, ни края, ни каких-либо примет. Насколько хватает глаз – беспорядок из полевицы, осоки и лисохвоста. Кое-где, будто задумчивые скелеты, высились над травами сухие палки прошлогоднего борщевика. Вдоль обочины пробивался молоденький подорожник. И если бы не те самые еловые островки, бодрящие пытливый разум, то можно было бы подумать, что Пересвет заколдован и скачет на одном месте.

В небе зажглась первая звезда. Случилось это как раз в тот момент, когда Пересвет Лютич проезжал мимо очередных елочек. С их стороны послышался шорох травы и детский плач. Не такое уж редкое явление в этих местах, если вспомнить что все Преднавьё кишмя кишит лисицами.

Вот и славненько, – подумал ратник, расчехляя топор. – Лисичка-сестричка. Коли кусаться не будешь, отпущу тебя бесхвостой, да живой.

Стоит ли говорить, что никакой плаксивой лисицы в ельнике не было?

Укрытая пушистой зеленой лапой, под деревом стояла люлька. Причем не из какого-нибудь задрипанного лыка, а богатая, о цельном дубе, с резьбой и ножками-качалками.

Ребенка внутри не было, зато был четкий кровавый след, который вел от люльки куда-то в поле.

Пересвет Лютич был трезв. Пересвет Лютич не был подавлен настолько, что жизнь казалась ему обузой. И уж точно Пересвет Лютич не строил логические цепочки, так свойственные хорошенькой стервочке с задранном кверху носиком и вьющимися локонами, которая из-за древнего волшебства, мерцающего разлома в шкафу или удара лопатой по лицу попала в чужой для себя мир. Таких хлебом не корми, дай покричать «ау!» в непроглядную тьму, прогуляться в «каком-то неестественном, как будто бы ненастоящем» тумане или, услышав рычание на чердаке, срочно предложить товарищам разделиться.

Ратник вдарил лошадь так, что бедняга чуть не выплюнула легкие.

От скорости все вокруг сделалось мельтешашей размазней цвета спелого пшеничного колоса.

Твоих рук дело? – задал Пересвет мысленный вопрос Лампе. Тут же прямо перед копытами лошади дорогу ему перебежало маленькое существо.

Оно имело окрас свиной рульки, вареной вместе с луковыми очистками. Ну, или цвета запекшейся крови. Все зависит от того, под каким углом смотреть на мир.

Внешне существо походило на трехлетнего малыша.

А!? Что!?

Твоих, спрашиваю, рук дело?

Про что ты вообще!?

Про окровавленную детскую кроватку посередь поля!

Ох ты ж еб твою мать, – выругалась Лампа. – *Ты бы к ней лучше не приближался.*

Спасибо, дружище, не буду.

Пересвет закинул под язык рубин. И сделал это очень вовремя, потому как впереди дорогу пересекала проселочная тропинка. На этом перекрестке, наглухо занавесив лицо черными патлами, стояла бледная девочка лет семи-восьми.

Рубин рубином, а Пересвет Лютич завизжал и пришпорил лошадь.

Девочка осталась позади.

Что там!? Что там!?!

Не знаю! Чудище какое-то! – ответил ратник, обернувшись на перекресток.

Гони, давай! Гони!

Пересвет Лютич заметил, как лошадь чуть не сворачивает себе шею в попытках укунуть его. Тут он осознал, что колотит ее кулаками по спине, словно заскучавшую любовницу.

А впереди снова возникло неведомое и враждебное. Стоя по пояс в траве, взглядом его провожала молодая деваха. Такие же черные волосы, как и у девочки с перекрестка, скрывали ее незрелую грудь.

Девушка помахала ратнику рукой. Ратник девушке рукой не помахал.

Пересвет распахнул тулуп. На кожаном поясе висела пустая рукоять и несколько лезвий. Примерно с пядь в длину, каждое лезвие покоилось в своих собственных ножнах.

Таковы были законы мира. Для того чтобы убить порождение Нави *окончательно*, удар должен был нанести именно белый ратник. И именно гравированным оружием. Для убийства нечисти ратники пользовались одноразовыми лезвиями с рунами «Нужда» и «Треба». Для нежити – вроде упырей и вурдалаков, – в арсенале Рати имелся топор с руной «Чернобог». Колдуны и ведьмы умирали от всего вышеперечисленного.

Сотрясаясь на полном скаку, как брыльки храпящего толстяка, Пересвет кое-как ввинтил лезвие в рукоять.

Не знаю, что там за напасть, но если ты потрешь лампу, обещаю ее убить!

Врешь.

Мамой клянусь!

Ну уж нет. Ворон ворону глаз не выклюнет.

Размахивая руками, на дорогу выбежала молодая женщина.

В ней не было ничего бледного, зловещего или черноволосого. Но от этого Пересвету как-то не захотелось вдруг остановиться, спешиться и узнать какого черта она забыла посередь поля.

Такие случайности не случайны, – подумал он.

– Остановись! – взмолилась женщина. – Пожалуйста, остановись!

Пересвет не питал предубеждений насчет того, что нельзя шарахнуть женщину ногой в челюсть и умчаться вдаль, так и не поздоровавшись. В общем-то, он так и собирался сделать. Однако на этот раз за него решила лошадь.

Коняга сбросила скорость, а после и вовсе остановилась. Пусть ратник и сделал ей больно, но от этого в ней не зародилось маниакальное желание топтать людей. Во всяком случае, не всех подряд.

– Добрый человек, прошу тебя, помоги.

Женщина шагнула навстречу Пересвету.

– Штой на меште!

– Выслушай, молю! – она сделала еще один шаг.

– А ну штоять, бьядь! – заорал Пересвет дурным голосом. – У меня нош!

Ратник назидательно исколол воздух прямо перед собой и женщина послушно отступила. Теперь он мог рассмотреть ее повнимательней.

Обычная баба, коих по местным селениям не сосчитать.

В льняной сорочке с расшитым воротом, юбке и лаптях, она совсем не походила на Зло. А ее гигантская грудь так вообще была олицетворением жизни и плодородия. Но что-то в ней было несуразное. Что-то... ярмарочное?

– Прошу, помоги. Там мой отец, – она махнула рукой в сторону поля. – И какая-то тварь.

– Где?

– Там!

– Где «там»?

– Да там же! В овраге!

– Гм...

– Смилуйся, умоляю!

– А жачем вы поехали в овраг?

– Прекрати свои допросы! Она же его убьет! – закричала женщина. – У тебя совсем сердца нет!?! Помоги! Скорее! Прошу!

Когда б нечисть угрожала ему одному, то все было бы проще. Тогда между дракой и пробежкой с шипастым розовым кустом, торчащим из задницы, Пересвет Лютич всегда выбрал бы пробежку. Но когда дело принимало *такой* оборот, к разборкам подключался его внутренний справедливый дурак.

Бросить людей в беде будет *неправильно*, – говорил этот дурак. – *Несправедливо*, понимаешь?

– И што там за тварь?

– Я не знаю! – заорала женщина еще громче прежнего. – Какая разница!?! ПОМОГИ!

СКОРРЕЕ!

– На што она похожа?

– Страшная, бледная, зубастая! Прошу тебя...

Она устало заплакала. И без того раскосые, ее глаза превратились в щелочки. Настолько узкие, что даже монетку не просунешь, если вдруг приспичит засунуть кому-нибудь в глаз монетку.

– Хорошо, – сдался Пересвет. – Я ратник. Поштаруюсь разобратша. А ты ушпокойся.

– Успокоиться? Попробую, – кивнула женщина.

Она достала из кармашка кусок белоснежного меха и хорошенечко в него высморкалась. А чего жалеть-то? Даже на самом дальнем востоке люди знают, что в Преднавье пушнины столько, что можно одеть весь мир. Ну, во всяком случае, так говорят.

Кто говорит? Так это... Дед Сапармурад, например. Что? Откуда он знает? Наверняка знает, раз говорит. *Да*, он уверен. И *нет*, сам он в Преднавье никогда не бывал.

– Ага! – воскликнул Пересвет.

– Что «ага»?

– То ага!

Ратник метнул в женщину нож. Целился в лоб, но попал в плечо и решил, что все-таки целился в плечо.

– У тебя на шее ожерелье из баранок! Дура!

Огибая женщину по обочине, лошадь сорвалась с места.

Ну конечно! – не мог нарадоваться сам себе Пересвет Лютич. – Ведьма шепчет на иностранном языке. Предположительно, на каком-то восточном наречии. Закорюки в ее книге тоже, скорее всего, восточные. В погребе лампа, каких у нас не используют, зато используют в Орде. Да и к тому же эта лампа разговаривает с акцентом сраного кочевника...

Эй!

Извини. И после всего этого, *при загадочных обстоятельствах*, я натыкаюсь в поле на бабу с пудовыми сиськами, в лаптях, со связкой баранок на шее и куском меха вместо носового платка. Еще чуть-чуть и она бы принялась выплясывать вприсядку. И мед руками жрать. Я прав, Лампа?

И еще пить! Считается, что вы слишком много пьете!

Ага, точно. Хорошо хоть не додумалась ромашку за ухо притулить.

Почему!? Разве так не делают!?

Делают, только ромашки еще не поспели.

А-а-а...

Нечистая собрала этот образ *наспех*. И глаза почему-то выбрала раскосые. Как будто наших девок ни разу не видела.

Ну ничего, еще научится!

Что!? Что это значит?

[*тишина*]

Так это твоих рук дело?

Нет.

Твоих! Сознайся!

Нет.

Долго еще Пересвет Лютич пытался подловить Лампу. И нахрапом пробовал, и хитростью. И даже предлагал пойти на обмен всяческими постыдными секретиками. Все впустую.

Дальше он гнал лошадь во весь опор. Вперед, к Старому Порогу. Туда, где старшие ратники помогут словом и делом.

А перво-наперво ему стоило забежать к Бажену Неждановичу и отдать ему книгу. Он хоть и странный, зато умный. Он обязательно разберется, в чем тут дело.

До первых петухов Пересвет ни разу не обернулся назад. А если б обернулся, то увидел как немного позади, не зная устали, неслась за ним по полю бледная тварь. Взрывая землю всеми четырьмя конечностями, тварь не уступала в скорости лошади Пересвета.

Худая, костистая и черноволосая. С багровым гребнем вдоль хребта, сотней мелких острых клыков и странными-престранными глазами. Правые половинки этих глаз были матово-желтыми, в то время как левые обычного белого цвета.

Все выше и выше, над полем поднималась луна. Точнее говоря, половина луны. Сегодня ее как будто бы разрубили пополам. Точно так же, как и глаза суккуба. И впрямь, некоторые случайности при всем желании невозможно назвать случайными.

А где-то далеко-далеко прямо сейчас улыбнулась свинья...

Глава вторая

Ледник выполз на берег. Гигантский, он заслонял собою небеса. Местами он был грязно-серым, местами ослепительно-белым, а местами походил на гигантский голубой сапфир с вкраплениями чего-то черного и тюленей.

Без нужды отдыхать, он двинулся дальше.

Своей громадой ледник принялся разглаживать морщинистое лицо земли. Хотя если уж братья за эту метафору и при том оставаться честным до конца, стоит сказать, что он не разгладил лицо. Скорее уж ледник надругался над старушкой-землицей и стесал ей рожу до самых костей.

Поломал скулы, оторвал нос, натащил нижнюю губу на подбородок и был таков.

После всех этих бесчинств он остановился и простоял так несколько веков. Затем ледник откатился обратно в океан и оставил после себя огромную плоскую равнину.

– Здесь! – указал пальцем Сварог-Батюшка на эти земли. – Здесь будут жить славяне!

Позади него раздался вздох. То вздыхал младшенький Сварожич. Ярило.

– Опять?

– Что «опять»? – удивился Сварог.

– Опять на поля и болота. Опять в холодрыгу, к волкам и медведям. Почему они, – Ярило указал на юг, туда где Дионис втолковывал первым грекам основы виноделия, – почему они опять в тепле и при море?

– Холод закаляет характер.

– Ага...

– А просторы полей, лесов и топей необходимы народу с такой широкой душой.

– Да-да-да. Широкая душа, – Ярило закатил глаза. – Ты боишься воды, высоты и замкнутых пространств. Пора бы уже это признать.

– Не смей так разговаривать с отцом!

– Все повторится снова, – младший Сварожич махнул рукой. – Не пройдет и десятка тысяч лет, как они отрекутся от тебя. В пользу вон того...

Ярило указал в сторону белобородого старца с сияющим нимбом над головой. Пока все прочие божества суетились и бегали, подбирая местечко себе под стать, он бесцельно бродил по миру и явно скучал.

– Пути мои неисповедимы, – как бы извиняясь, развел руками старик.

Славянские боги кивнули ему в знак приветствия. Ярило, скривившись, выдал про- тивное «здрасьте».

– Не отрекутся, – сказал Сварог.

– Отрекутся, – настаивал младший. – Сначала от нас, а потом и от него. Отмахнутся, как от мошкеры.

– Не отмахнутся, сын. Только не теперь.

– Это почему же?

– Мы с другими старшими посовещались и решили. Чтобы нас не забывали, на этот раз, – Сварог добродушно улыбнулся, – на этот раз ад будет на земле.

Чуть залезая за лесную опушку, Сварог провел черту.

– Там, дальше, будет Навь. А вот здесь будут жить славяне.

Бог сделал свой выбор.

В том месте, на которое он указал, появилась деревня.

Со временем, вокруг деревни выстроился рябиновый кремль. Еще позже, заслонившись этим кремлем от леса, на юг вытянулся городишко о трех длинных улицах. Старый Порог.

Поначалу, естественно, просто Порог. Старым он стал после того, как окончательно сложились границы Преднавья, одного из пяти ныне здравствующих княжеств.

Преднавье – это потому что прямо перед Навью. А еще потому, что «Преднавское Княжество» не звучит. Именно по той же причине Преднавского Князя называют Князем Преднавским, либо, что более предпочтительно, Преднавс-с-ским.

Летели столетия. Сменялись правители. В войнах рождались и умирали империи. Но здесь, за деревянными стенами рябинового кремля, Белая Рать испокон веков несла свою службу.

Полчаса назад небо над Старым Порогом посветлело.

Четверо топтались подле закрытых ворот рябинового кремля. А если точнее, то чуть левее ворот, рядом с маленькой неприметной дверкой.

Эта дверь вела в сторожку, врезанную прямо в крепостную стену.

Для середины первоцвета-месяца погода выдалась очень мягкой, но в столь ранний час все равно было холодно. Влажный весенний воздух пока еще не оформился росой и от дыхания людей валил пар. По очереди они вздрагивали всем телом.

– Холодно, – сказал Седой.

– Ага, – согласился с ним Кузнец, подтягивая штаны.

– Можно мне домой? – спросил Засранец.

– Заткнись! – прикрикнула на него Рябая.

Наверняка у этих людей были и настоящие имена, но сейчас их звали именно так. Седой, Кузнец, Рябая и Засранец.

Судьба-затейница свела их вместе при помощи свиньи. Хотя нет, неправильно. Свинья-затейница свела их вместе, а судьба предпочла просто отойти в сторонку и не встречать в происходящее.

А дело было так.

Накануне ночью вместе со своими друзьями Засранец украл хрюшку из хлева Седого. Засранец клялся всеми своими детскими ценностями, вроде мамы, каши и рогатки, что дети не собирались продавать или есть свинью. Хотели только немножечко покататься и к утру вернуть ее восвояси.

И так бы оно все и случилось, но по какой-то мистической причине свинья вдруг серьезно озлобилась на мир. Недолго думая, она учинила погром на хуторе Старого Порога.

Вооруженная торчавшими из копыт лезвиями, свинья ворвалась во двор Кузнеца. Она выломала калитку, порезала кусты крыжовника и устроила в курятнике кровавую баню.

На шум во двор выбежал сонный Кузнец.

По сути, настоящим кузнецом он не являлся, а был всего лишь подмастерьем, но именно сейчас переживал стадию особенной гордости за выбранное ремесло и повсюду с собой таскал в кармане восхитительного качества подкову, изготовленную лично, пусть и под присмотром наставника. Короче говоря, с Кузнеца постоянно сваливались штаны.

Вместе с женой и ребенком, Кузнец бежал из дома.

Воочию увидав, как свинья улыбнулась и откусила живой курице голову, он невольно вспомнил про Белую Рать.

Спустя какое-то время пришли охотники на нечисть и зарубили крамольную хрюшку. Вместе со всеми причастными, ее тело отправили на разбирательство к сторожу Баженов Неждановичу.

Рябая имела отношение ко всей этой свистопляске лишь потому, что лет десять назад ее угораздило родить Засранца.

- Отдали бы уже поскорее тушу. Разошлись бы тогда по домам, – сказал Седой.
- Хочу домой! – поддакнул Засранец.
- Что значит «по домам»? – возмутился Кузнец. – А кто будет возмещать мне убытки?
- Так вон они пускай и возмещают, – Седой кивнул на Рябую и Засранца.
- Почему это *мы*?
- Так это твой сын своровал мою свинью. Значит, он и виноват.
- Скажи спасибо, что своровал! – сказала Рябая.

Сказала с такой укоризной в голосе, будто бы она была хлебосольной рукой, а Седой обнаглевшей кусачей дворнягой.

- Если бы не мой мальчик, то она взбесилась бы *у тебя в хлеву*.
- Вот именно, – кивнул Кузнец. – Свинья ваша. Вы за ней не доглядели, вам и отвечать.
- Мне? Отвечать? Перед тобой? – Седой хмыкнул. – За что? За то, что ты мне должен?
- Что!?

Раздался характерный глухой звук. Это подкова шмякнулась на землю.

- Почему это я вам должен?
- Уважаемая, – Седой обратился к Рябой, – вы-то, я надеюсь, понимаете, почему он мне должен?

– Конечно, понимаю. Пусть и не своими руками, а свинью вашу заколол. Она ж после зимы наверняка тощая была. Такой долго сыт не будешь. А теперь еще и требовать чего-то хочет. Нахал.

- Что!?

Кузнец хотел было нагнуться за штанами, но от возмущения об этом позабыл. Волосики на его ногах встали дыбом. На манер недовольной кошки, он ошетинился ими на обидчиков.

- Да она мне кур погрызла!

– Ты себя-то слышишь? – хохотнула Рябая. – Кур, говорит, погрызла. Свинья. Кур. Погрызла. Да ты же алкаш! Об этом все знают.

- Я!? Алкаш!?

– Конечно алкаш. Примерещилось чего-то с пьяных глаз, так ты и бросился к ратникам за помощью, – она сплюнула. – Тьфу. Алкаш, так еще и трус.

Чуть-чуть потеплело. Подул легкий ветерок. Где-то в вышине закрикали утки. Первые лучи солнца коснулись верхушек деревьев, а по ляжке Кузнеца пробежала капелька росы.

- Да, – разорвал молчание Седой, – действительно алкаш. Я тоже об этом слышал.
- Да я же вообще не пью!
- Это что же? Зря, получается, люди говорят?
- Да кто говорит-то!?
- Да вот хотя бы она, – Седой указал на Рябую.

- Я ее первый раз в жизни вижу!

- А она, тем не менее, уже слышана о том, что ты алкаш.

- Да я... да вы... да раз у вас такая свинья, то вы наверняка колдун!

Рябая смекнула, что при недостатке у Кузнеца перегара вся ее выдумка шла прахом. А вот он-то нащупал именно то место, в которое бить можно и нужно. Она уже почти раскрыла рот, чтобы поддержать его.

- А ваш сын ворюга!

Далее все разговаривали одновременно и так же одновременно утихли.

Из-за угла, что вел на ремесленную улицу, появился всадник. Он пронесся по пустой дороге, подъехал к воротам рябинового кремля и неуверенно спешил.

Оставшись без ездока, его лошадка тут же легла на спину. Она сладко потянулась всем телом и уснула, устремив ноги к небу.

Последнее время животные в Старом Пороге вели себя очень странно.

Всадник был одет в тулуп, накинутый поверх разорванного тряпья. Он был вонюч, бледен и весьма одноух. Его сильно мотало из стороны в сторону. Обычно такая раскачивающаяся походка наблюдается у рыбаков, которых из-за шторма несколько дней помотало по озеру.

Всадник выдернул из-под храпящей лошади дорожную сумку. Он крепко выругался и побрел к той самой маленькой дверце, которая находилась по левую сторону от главных ворот кремля.

– Добрый человек, тут вообще-то очередь, – начала было Рябая, но смолкла под взглядом всадника.

В том взгляде ужились две крайности. Одна из них была спокойна, дружелюбна и близка к пониманию всего и вся в этом мире. Вторая же крайность не видела ничего дурного в том, чтобы попытаться поймать молнию, замешать в тесто навоза или просто-напросто обглодать кому-нибудь лицо.

– Мне к Бажену Неждановичу, – сказал мужчина. – Срочно.

Спорить никто не решился.

Минула четверть часа.

– Я хочу домой, – заныл Засранец.

– Я не могу больше ждать. Мне скоро на работу. Я же кузнец! – сказал Кузнец.

– Эх. Пропустили вперед алкаша на свою голову, – посетовала Рябая.

– Так! Довольно уже. Я сейчас пойду и все им выскажу! – решился Седой. – Сколько можно нас держать подле дверей, как каких-то холопов? Совсем обнаглели!

И Седой пошел. И с каждым шагом его уверенность таяла, словно снежок на сковородке. Такое частенько случается. Праведный гнев может легко обернуться в виноватую мямлю, которая просто проходила мимо и, в общем-то, никого не хотела беспокоить.

– Чего? – на стук Седого в дверь высунулся тот самый одноухий всадник.

– Нам еще долго ждать? – неуверенно спросил Седой.

– Кого ждать?

– Решения Бажена Неждановича.

– Бажен Нежданович! – крикнул одноухий внутрь сторожки. – Тут какого-то вашего решения ждут! Что? Ага... Ага... Ага...

– Ну что там? – вклинился в разговор Кузнец.

– Всем по две недели в остроге, – сказал одноухий и закрыл дверь.

Вот тут бы Седому смекнуть, что его только что посадили в острог за то, что *у него украли свинью*. Смекнуть и перестать уже тыкать палкой в свою удачу, проверяя, дышит ли она. Однако ж он постучался снова.

– Ну чего еще?

– За что две недели!?

– Бажен Нежданович! А за что? А... Ага... Ага... Ага. Тебе за подозрение в колдовстве, тебе за воровство, тебе за ненадлежащее воспитание сына, а тебе за пьянство.

– Но я же вообще не пью!

– Ага. Не пьешь, как же. Штаны надень.

Дверь снова захлопнулась.

– Это неслыханно! – закричал Кузнец.

– Рать совсем обнаглела, – сказал Седой.

– Сборище алкашей! – подытожила Рябая и в сердцах залепила Засранцу подзатыльник.

– Хочу домо-о-ой, – затыкнул Засранец, потирая больное место.

Пускай сторожка Бажена Неждановича и была изнутри довольно большой, но в ней оказалось очень тесно. Вдоль всех стен встали полки, заставленные книгами. Настолько высокие, что сторожу зачастую приходилось пользоваться лестницей.

Вместо окон под самым потолком пробивались узенькие бойницы – все-таки оборонительное сооружение, как-никак, а не собачья будка. До того, как нынешний сторож здесь обжился, к бойницам наверняка был какой-то подступ. Сейчас же стрелять из них было невозможно. Разве что умеючи парить над землей, что для честного человека возбраняется и карается отсечением головы.

Печи не было и в помине. Ни к чему она. В сторожке горело столько свечей, что хватило бы для праздничной службы в небольшом западном храме.

В одном конце этого длинного помещения стоял письменный стол. В другом конце тоже стоял стол, однако, отнюдь не письменный. Неизвестно для чего он был нужен вчера или будет нужен завтра, но вот именно сейчас на нем валялась туша свиньи, разобранная на лоскуты и сухожилия.

Стараясь не мешаться, Пересвет Лютич пригнулся на лавке подле входной двери. Он с интересом наблюдал за сторожем.

Не замечая ничего вокруг себя, Бажен Нежданович с головой погрузился в ведьмину книгу. То и дело, он вскрикивал что-то вроде «Ага!» или «Так-так-так!» и бежал к полкам доставать очередную книжицу.

Он доставал книжицу, швырял на стол рядом с фолиантом, раскрывал, читал, чему-то расстраивался и смахивал ее на пол.

Подбирала книгу Белолоуба, его горничная. Пышная женщина, которая достигла того возраста, когда по поверью ей снова пристало становиться ягодой. Правда, в случае с Белолоубой, та ягода росла на бахче.

– Бажен Нежданович, может быть, молочка? – игривым басом пропела служанка.

В очередной раз она нагнулась за книгой. Нагнулась так, как гнется по весне запертая в четырех стенах кошка. И в очередной раз сторож остался глух к языку тела.

– Не сейчас, – ответил он.

– А можно мне молочка? – спросил Пересвет. – С медом. И с пенкой. Понимаете, меня всю ночь преследовала какая-то бледная женщина и теперь мне хочется немного нежности.

Белолоуба взглянула на Пересвета так, как если бы он был виной ее неразделенной любви к сторожу. Хотя на самом-то деле, виною был сам сторож.

Бажен Нежданович. Редкий человек с редким складом ума, чудной зальсиной и телом, похожим на грушу.

Сторож знал практически все обо всем. И это знание не оставляло места для других человеческих добродетелей. Таких, например, как чувство юмора, умение понимать намеки или мыслить сравнениями.

Он мог играючи умножать в уме пятизначные числа, однако входил в ступор от фразы «пьяному море по колено». С пеной у рта он начинал доказывать собеседнику, что тот не прав. Дескать, море по большей части берега сразу же обрывисто, а там где не обрывисто все равно глубже колена и никакое опьянение не в силах это исправить.

Кабы не родился Бажен Нежданович со второй душой, так быть бы ему с его-то умищем великим человеком. Ну, или жертвой «несчастливого» случая. Но как бы то ни было, сторожу довелось испытать из Смородины еще в несознательном возрасте.

Вырос он именно здесь, в Старом Пороге.

С детства Бажен отлынивал от тренировок Рати. Синякам и занозам от деревянного оружия, он уже тогда предпочел чтение и точные науки.

Он и сторожем-то пошел работать только потому, как смекнул одну простую вещь. Сторож сторожит. А сторожить рябиновый кремль все равно, что не делать ничего.

Уж коли вражина доберется до Старого Порога, – что само по себе крайне маловероятно, – так кремль простоит ровно столько, сколько нужно деревяшке для того чтобы загореться. Ну а коли *нечисть* на крепость позарится, то пускай пеняет на себя.

Так что, будучи сторожем Бажен получил в распоряжение *все* свое время.

Бажен читал. Бажен писал. Бажен учил языки. Бажен не упускал возможности выяснить, сколько ребер у русалки или как скоро свертывается кровь у дрекавака.

Ненавидел Бажен разве что потребность человека во сне. И еще праздники. Но не потому, что был нелюдимым затворником, а потому что по праздникам всякому человеку надлежало уронить в себя хотя бы чарочку-другую меда. А от браги его мозги спотыкались и начинали желать странного.

Толстожопый слабак, рохля и буквоед, – скоропалительно решали молодые ратники. Тут же они получали оплеуху от старших и выслушивали поучительную историю о черте-самоубийце.

Как-то раз, давным-давно, изловчились ратники поймать черта живьем. Бажен Нежданович, ничтоже сумняшеся, выпросил его себе для наблюдений.

Забеспокоились тогда ратники за желторотого сторожа. А оно и понятно, ведь тот в жизни кровушки не проливал и смерти в глаза не заглядывал. С отеческой заботой, приглядывали они за Баженом. Следили, как бы чего худого не вышло.

Следили-следили, а спустя неделю нашли в избе у воеводы того самого черта.

Стоя на коленях, черт рыдал и умолял о смерти. Лишь бы только его не возвращали обратно к Бажену Неждановичу. Говорил, мол, это жестоко даже по меркам Нави. Мол, даже руку себе отгрызть пришлось, чтобы кандалы сбросить и от сторожа сбежать.

– Я не могу это прочесть, – сказал Бажен. – Понимаю некоторые слова, но этого мало.

– И что же нам теперь делать? – спросил Пересвет, вытирая рукавом молочные усы.

– Можно попробовать приладить к кастрюле некое подобие мельничного колеса. Так, чтобы выкипающий пар приводил его в движение. Это должно сработать.

– Э-э-э... да... наверное. А что делать со мной?

– Подойди.

Пересвет подошел к столу и взглянул в книгу. Она была раскрыта на странице с рисунком, изображавшим худую костлявую женщину лихого вида. Черные волосы, желтые глаза, гребень на спине.

– Это то, что ты видел?

– Да! – воскликнул Пересвет. – Точно! Это она!

– Очень плохо.

– Почему?

– На этой странице мне понятно только одно слово. «Полнолуние». Зато вот здесь, – Бажен перелистнул страницу, – я перевел сразу несколько слов. Например, «лампа».

– Бажен Нежданович, так ведь здесь и нарисована лампа.

– Ну да. А еще слово «желание».

– Так лампа, по-вашему, может быть как-то связана с проклятием?

– Либо да, либо нет.

– ...

– ...

– Э-э-э...

Пересвет опешил от столь честного ответа, а Бажен Нежданович сосредоточенно устоялся в угол. На его лысине проступили три аккуратные думательные складочки. Казалось, он был готов в любой момент произнести «но» или «хотя, если».

Вместо этого сторож подхватил чистый лист бумаги и принялся рисовать кастрюлю.

– Бажен Нежданович?

- Да?
- Так что насчет проклятия?
- А что насчет проклятия?
- Ну, там... бледная женщина, полнолуние, лампа. Помните?
- Конечно, помню, – ответил Бажен на поставленный вопрос и вновь взялся за рисунки.
- Бажен Нежданович!
- Да?

Пересвета клонило в сон. Ему очень хотелось поест и сменить наряд. Но суровая правда жизни заключалась в том, что если уж *Бажен Нежданович* не сможет ему помочь, то других ратников и смысла спрашивать нет.

Пересвет напрягся из последних сил. Нужно было как-то пробиться сквозь заскорузлую логику сторожа. Например, постараться не использовать те вопросы, ответом на которые может послужить «да» или «нет».

- Бажен Нежданович, как узнать, связана ли лампа с моим проклятием?
- Нужно перевести книгу.
- А что нужно для того, чтобы перевести книгу?
- Знать язык, – подумалось Пересвету и он поспешил поправиться.
- То есть, *как* нам перевести книгу?
- Найти носителя языка.
- А что это за язык?
- Это какое-то ордынское наречие.
- А где найти человека, который знает это наречие?
- Ты имеешь в виду, где найти ордынца?
- Да.
- Его можно найти в Орде.
- Ах ты ж еб твою...

Пересвета оборвал стук. Он не на шутку испугался, подумав, что это его кулак стучит о лысую черепушку сторожа. Но, слава богам, все обошлось. Стучали в дверь.

– Войдите, – проревела горничная голосом оборотня, застрявшего где-то посерединке между человеческим и медвежьим воплощениями.

В сторожку ворвался Влад. Бешеный как бабушка, прознавшая о том, что соседский мальчишка пристроился подмастерьем к ювелиру, в то время как ее внучок повредился зрением, слишком глубоко засунув палец себе в нос.

По сути это было обычное состояние Влада, но сегодня уж как-то слишком бойко разыгрались желваки на его лице. Не иначе случилось что-то серьезное.

- Одноухий! – прямо с порога закричал он. – Ты почему не на обходе!?

И вот уже второй раз за это утро, Пересвету Лютичу пришлось пересказывать события минувших суток.

А не пересказать было нельзя. Как-никак, а Влад был мечником. Лево́й рукой Воеводы. Одним из немногих ратников, которые руководили другими ратниками.

Маленького роста, жилистый, с одной густой и длинной бровью, Влад как будто бы родился для этой должности.

Во-первых, он пронес через всю жизнь то самое недовольство, которое испытывает рождающийся младенец. Во-вторых, он умел соорудить такую рожу, после взгляда на которую бешеная лисица покажется рыжим сгустком рассудительности и благоразумия. И в-третьих, он заиклился на несправедливости мира и тленности бытия.

Бывает вот, по случайности, замараешь сажей белую рубаху. А Влад уже тут как тут. Глянет исподлобья, улыбнется жутко и скажет: «мир – жестокое место». А ты потом седи и думай, как он попал к тебе в дом.

Или вот, захотел зажарить яичницу-глазунью, а желток растекся. Тут же из-за спины голос: «Пора повзрослеть и понять, что справедливости не существует».

Поскользнулся, будь готов выслушать о том, что слабые должны умереть во имя того чтобы жили сильные. Собака взрыла грядку, так непременно узнаешь о том, что черный и белый – это оттенки серого.

И если смерть – это старуха с косой, а зима – пузатый весельчак с мешком подарков, то злость – это Влад.

– Вот так, – закончил свой рассказ Пересвет.

– Это не повод бросать обход, – процедил Влад сквозь зубы.

– А что ж тогда повод?

– Повода нет. Любой повод бросить обход это проявление слабости. Что? Домой захотел? Захотел папину сисю, молокосос?

– У вашего отца сцеживалось молоко? – спросил Бажен Нежданович. – Удивительно.

– Ничего у него не сцеживалось! Влад, послушай, меня прокляли и...

– Настоящего ратника не должны волновать такие мелочи.

– Это не мелочь!

– Для маленькой плаксивой девочки, может быть.

Все мечники не от мира сего, – подумал Пересвет. – Наверное, от скуки. Но Влад... и как он только дожил до своих лет с таким-то норовом?

– Я уеду, как только Бажен Нежданович решит мою проблему.

– Ты уедешь сейчас.

– Нет.

Маленькие глазки сузились. Маленькие кулачки сжались. Маленькие ноздри раздулись от возмущения, но маленькое чувство самосохранения не отказало. Завяжись драка, попасть Пересвету по лицу Влад смог бы только стоя на табурете.

Дерзкая фраза про то, что большой шкаф громче падает, как правило, произносится в отсутствии поблизости больших шкафов.

– Не хочешь повиноваться, сопляк?

Закипая от злости, Влад издал *звук*. Похожий звук слышится из лесной чащи, когда старый лось одновременно страдает насморком и одышкой.

– Я забираю у вас ведьмины вещи! Это собственность Рати! – Влад двинулся к столу сторожа.

– Не трогай лампу! Это опасно!

– Не носи чушь.

Действительно, не носи чушь! – проснулся Голос Лампы.

– Воевода решит, что с этим делать.

– Нет! Не отдам!

Пересвет крепко схватил мечника за плечо. Влад остановился.

– Ой-ой-ой, – тихонечко проскрежетала Белолюба, схватилась за веник и изобразила бурную деятельность.

– Одноухий, ты совсем охуел?

– Послушай, Влад. При других обстоятельствах, я б с тобой не спорил. Ты старший и все такое прочее. Но сейчас мне не до шуток. Я проклят.

– Стало быть, укрываете от Белой Рати нечистые вещички?

– Не совсем так, – сказал Бажен, не отрываясь от рисования. – Мы ведь тоже ратники. И, кстати, эта книга для меня действительно очень любопытна. Я хотел бы оставить ее у себя на некоторое время.

Влад попытался уничтожить Пересвета взглядом. От натуги его глаза выкатились. Еще чуть-чуть и они повисли бы у него на щеках, как у поникшей духом улиточки, но искривить

пространство ему все равно не удавалось. Пересвет не возгорался, не старился, не сворачивался в клубок и не проваливался сквозь землю.

Раздался треск, с которым валится от бури вековой дуб. То шумели зубы Влада.

Спорить со сторожем мог только сам Воевода. Такая вот немного странная иерархия.

Из сторожки Влад выбежал молча. То ли задыхался от гнева, то ли нечаянно вывихнул себе челюсть. За ним тянулся шлейф ярости. Поднеси сейчас ромашку к тому месту, на котором только что стоял мечник, так та почернеет, схватит нож и убежит разбойничать на большой дороге.

– После обеда я разошлю письма в Колоярск и Межилесск, – сказал Бажен. – Война закончилась совсем недавно. У них наверняка должны были остаться пленные ордынцы.

– Спасибо. Можно я подожду здесь?

– Конечно.

– Вы будете мешать Бажену Неждановичу! – возразила Белолюба.

– Не будет.

Перепалка с Владом лишила Пересвета последних сил. Он вернулся на лавку, сел и спустя минуту забылся сном.

Снилась ему мешанина из недавних событий. Хозяюшка с добрыми морщинами, матрешки, люлька, черноволосая девочка в поле, странный человек со спущенными штанами возле сторожки...

Но вот во всей этой окрошке он вычленил мясо. Самое главное. Самое волнующее.

Муравей. Маленький черненький муравьишка взвалил себе на спину шишку и тащил ее в поле. Ему было тяжело. Он потел и охал.

– Пересвет, – сказал муравей. – Вставай.

– Еще минуточку, – попросил Пересвет Лютич.

– Вставай, – спокойно повторил муравей и тут вдруг заорал что есть мочи. – ВЕДЬМА!
ВЕ-Е-ЕДЬМА!

Забывье выхаркало Пересвета обратно в реальность.

– Ведьма!? В Пороге!? – испугано повторила Белолюба. – Ой-ой-ой.

– Да, прямо через дорогу! – сказал молодой ратник.

– Вы ее поймали? Какая удача!

Бажен уже подпоясывался. Если, конечно, относительно него можно так выразиться. Ведь ни пояса, ни талии у сторожа не было. В его случае пояс приходился чуть пониже груди.

Под правую руку – в ножны, – он засунул хлыст.

– Еще какая удача! Вас ждут, чтобы допросить... ну или что вы там делаете. И тебя, одноухий, тоже просили быть.

– Меня? Зачем?

– Говорят, что ты убил Былицинскую. Мол, опыт есть и все такое.

А может быть это *та самая* ведьма? – подумал Пересвет. – Если так, то жизнь налаживается.

Кому в Пяти Княжествах жить хорошо, так это извозчикам и лихачам. Каждый человек, который в хозяйстве имеет сани, повозку и тройку тягловых лошадей может зарабатывать извозом. При этом он будет платить оброк как скромный землепашец, ибо знает заветные слова: «Не докажете».

Работа есть всегда. Либо катай из города в город богатых людей, либо перевози грузы. На безбедную старость накопишь, тут и к гадалке ходить не нужно.

Тем и промышляли извозчики.

Лихачи промышляли тем же самым, но брали за работу изрядно меньше. А все потому, что у работы с ними имелись некоторые риски. Никто и никогда не видел лихачей трезвыми.

Каждый порядочный лихач уже с утра наряжался в синие кружева и по ходу дня постоянно прикладывался к бутылке. И если заказчик по наивности просил лихача не пить, ответом ему был задорный хриплый смех.

Этим утром лихач Вавила несколько перебрал и утомился.

За полчаса до пробуждения Пересвета, он направил лошадей напрямик на крыльцо богатого расписного терема. Именно того, что стоял напротив сторожки Бажена Неждановича.

Вавила провел телегу сквозь крыльцо, как горячий нож сквозь крыльцо и остановился под окнами в зарослях молодой черемухи.

Все это кажется неправдоподобным до тех пор, пока не узнаешь, что лихачи надевают своим лошадам глухие шоры. Не затемненные, не узенькие, а *совсем-совсем* глухие. Слепым лошадям куда легче свыкнуться с безумием своего хозяина.

Вавила спал, вцепившись в вожжи. На ратников, которые суетились вокруг терема, он не обращал ни малейшего внимания. Те пытались добудиться его, чтобы прогнать подальше от дома, в котором, по слухам, изловили живую ведьму.

Сквозь сон Вавила справился у ратников, не нужно ли их куда-нибудь подвезти. Оказалось что не нужно. Лихач потерял в их лице возможную выгоду и захрапел вновь.

Храп для Вавилы был чем-то вроде писка для летучей мыши. Эдаким запасным зрением. Звук отражался от твердых поверхностей, возвращался к Вавиле и помогал ему понять, не появился ли поблизости возможный работодатель.

– Извоз! Недорого! – прокричал он, когда мимо него прошли двое.

Лысеющий толстяк и одетый в рванину одноухий жердь даже не обернулись на Вавилу.

– Если что, я здесь, – сказал лихач и уронил голову на колени.

Бажен и Пересвет поднялись на второй этаж. Здесь пахло растревоженной пылью. Просторная светлица оказалась не обжитой и использовалась как склад всяческого барахла. Что именно за барахло, понять было невозможно.

Вдоль стен стояли либо поросшие паутиной сундуки, либо нечто, на что накинута тряпка.

А еще здесь был шкаф. Здоровенный, тяжеленный, из мореного дуба. С латунными вензелями и ручками.

Помимо Влада в светлице находилось еще с полдюжины ратников. А по центру комнаты, на стуле, сидела *она*.

– Да! Это она! – заорал Пересвет.

– Нет! Это он! – закричала в ответ Моравна.

Сотрясая груди, ведьма запрыгала на стуле. Тут же она получила пощечину от Влада. Похоже, ратники накрепко связали ее.

– Только не он!

– Почему? – спросил Влад, схватив Моравну за длиннющий подбородок. – Что не так с одноухим?

– Не скажу!

Еще пощечина. Мечник бил тыльной стороной ладони. Очень звонко и умело, будто проделывал это с каждой встречной бабой. А может быть, так оно и было.

– Все равно не скажу!

Пощечина.

– А давайте я попробую.

Щелчок.

Это Бажен Нежданович расчехлил свой хлыст и с расстояния десяти шагов вдарил ведьме аккурат по лбу.

– И-и-и! – взвизгнула ведьма. – С ума сошел?

– Нет, – уверенно ответил сторож. – Почему ты так испугалась этого молодого человека?

– По кочану.

Бажен Нежданович задумался.

– Сними с меня проклятье! – взмолился Пересвет.

– Хорошо-хорошо, только не подходи.

– Почему? – зарычал Влад. – Что происходит?

– О каком кочане идет речь?

– Ты сняла? Сняла?

– Почему одноухому нельзя подходить!?

– Потому что!

– Имеется в виду капуста или заграничный латук?

– Ты сняла? Ты уже сняла?

Пересвет Лютич прислушался к внутренним ощущениям. Есть хотелось больше, чем спать. В остальном с приезда в Старый Порог ничего не изменилось.

Зачем-то он начал ощупывать себя руками, будто давеча его превратили в козленочка, а не запустили по следу кровожадную тварь.

Однако ж, это помогло. Охлопывая себя, Пересвет случайно задел рукой лампу. Оставлять ее в сторожке ратник побоялся. Он завернул ее в тот самый черный бархат и заткнул за пояс.

Сейчас от лампы шел жар. Приятный и какой-то глубинный. Как от остывающей картошечки, выкопанной из-под костра.

Не к добру, – решил ратник. – Последнее время со мной повторяется одна и та же история. Я чего-то упускаю из виду, почти делаю глупость и в крайний момент понимаю, *что именно* недоглядел.

Так-так-так. Странности.

Лампа ведет себя странно. Ведьма ведет себя странно. Влад и Бажен тоже не самые вменяемые персонажи, но к ним вопросов нет.

Минуточку. А кто все эти ратники? Раньше я их в Пороге не видел.

Пересвет оглядел шестерых мужчин, которые окружили ведьму полукольцом. Молодые, как и он сам, для своих лет они выглядели чересчур спокойными. До сих пор ни один из них не проронил и слова.

Не пойму, они вообще дышат?

Пересвет шагнул вперед.

– Не-е-ет! Не подходи! – закричала ведьма.

Еще шаг.

– Нет, не надо! Прошу, смилуйся!

– Над тобой!?! – от возмущения, Влад залепил ведьме аж три пощечины. – Тварь, объясни что происходит!

– У него лампа, – выстрадала Моравна.

– Лампа?

Представьте, что вы хорошенечко накалили сковородку, налили в нее масла и кинули жариться огромную волосатую гусеницу. Вот примерно то же самое сейчас происходило с бровью Влада.

– *Та самая* лампа? – спросил он.

– Нет, блядь, другая, – нарочито идиотским голосом ответила ведьма.

Пощечина.

– Почему ты боишься лампу?
– Даже если я постараюсь объяснить, вы все равно не поймете.
– Лампа убьет тебя?
– Можно сказать и так, – Моравна поморщилась. – Но это гораздо страшнее, чем смерть.
Это за гранью вашего понимания. Это... это... это ужас, стократ помноженный на безумие.
– Я бы с удовольствием взглянул на это, – сказал Бажен Нежданович.
– Одноухий! – скомандовал Влад. – Лампу! Быстро!
Пересвет сделал еще один неуверенный шаг навстречу ведьме.
Пока все остальные разговаривали свои разговоры, он следил за молодыми ратниками.
Они вели себя так, словно в комнате шла непринужденная беседа об утреннем уделе.

Еще шаг.

В шкафу у дальней стены что-то скрипнуло.

– А что это там такое? – спросил Пересвет.

– Где? – уточнил сторож.

– В шкафу.

– Одноухий! Давай сюда лампу! – орал Влад.

Пересвет Лютич попятился, доставая из-за пазухи рубин.

– Одноухий! Лампу! Быстро!

– Не-а.

– Ну все, – прошипел Влад.

Мечник закрыл глаза. Когда он открыл их снова, его зрачки стали козлиными. Черными горизонтальными полосками без радужной оболочки.

Скучавшие ратники тут же опали на манер мокрой тряпочки и обратились в пыль.

Влад вскинул руки к потолку и беспорядочно зашевелил пальцами так, как если бы ему пришлось щекотать промежность великана.

Со скрипом открылись сундуки. С заброшенного хлама сорвались покрывала.

Ненужные вещи начали оживать. Потускневшие подсвечники, ломаные инструменты, банки, склянки, швейные иглы, лишние обрезки дверного наличника, затупившиеся ножи и топоры поднялись в воздух и неспешно закружились над Владом.

Постепенно вся эта круговерть набирала скорость.

Ведьма встала со стула. Так, будто ее и не привязывали вовсе. Хотя... да, скорей всего ее не привязывали.

Шкаф заходил ходуном. Из приоткрывшейся двери высунулась мохнатая когтистая лапа.

– Это странно, – ловко подметил сторож.

– Башен Нешданыч! – закричал Пересвет. – В окно! Быстро!

– И что? – спросила Рябая. – Пряма никогда не выпивал?

– Ну да, – ответил Кузнец.

– Пряма никогда-никогда? – повторила она голосом человека, которому на ногу уронили наковальню.

– Да, никогда.

– И как ты так изловчился? Вроде в одном мире живем. А, ладно, – Рябая махнула рукой. – Привычка тут, конечно, нужна, но если по чуть-чуть...

Женщина откупорила бутылку крепкой березовой бражки.

– Мам, ты опять? – спросил Засранец.

– Так... иди-ка, погуляй.

– Послушайте, мне действительно пора на работу.

– Да успеешь ты на свою работу.

Рябая вытащила из кармана две потертые медные чарки, вставленные друг в дружку. Со сноровкой бывалого трактирщика, она наполнила их до краев.

– Ну, кузнец, давай.

– Я не хочу.

– Надо.

– Зачем?

– За справедливость.

Рябая проглотила выпивку резко и уверенно. Кузнец же состроил кислую мину и малость отхлебнул. При этом он невольно оттопырил в сторону мизинчик.

Тут же, вверх по улице, раздался звон битого стекла.

Со второго этажа богато украшенного терема выбросился человек. Приземлился он прямо на повозку, что притаилась среди кустов черемухи. Следом за ним, перевесив через подоконник грузную задницу, вывалился еще один.

Возница крикнул: «А ну, пошли!» – и тройка лошадей рванула с места.

Вдогонку им из окна вылетали какие-то непонятные вещи. Целая стая различных железяк и деревяшек бросилась преследовать повозку. Затем из окна выпрыгнуло лохматое краснорылое чудище, ну а последней дом покинула женщина в черном, лихо седлавшая метлу.

У терема вразнобой заголосила толпа белых ратников.

Кузнец вылил на землю остатки браги и пошел на работу.

– Отступники! – орал Влад, высунувшись в окно. – С ведьмой сговорились!

Зрочки мечника вернули себе обыкновенный вид. И правильно, ведь если бы он забыл об этой мелочи, то звание главного злодея досталось бы ему, а не Пересвету.

К воеводе тотчас поспешили бы два десятка ратников. Всей толпой, они убедили бы главного сделать правильные выводы. Мол, так и так, давайте сожжем Влада к чертовой матери, а то у него глаза козлиные.

Тем более, что мечник и без того успел набить оскомину этому городу. Его казнь ни за что не обошлась бы без блинов и хороводов.

Но что тогда? Что случилось бы дальше при таком раскладе?

Ответ удручает. Ведь случись все так, история белого ратника Пересвета Лютича лишилась бы большой любви, цыган, медведей, капризных мальчиков и жирной художественной справедливости.

И кому оно нужно? А никому оно не нужно.

– Предатели! – не унимался Влад. – Взять их! Взять!

С игривым мокрым пошлепыванием, повозка проехала сквозь паутину бельевых веревок и встала обратно на четыре колеса. Поворот остался позади.

Рой разномастного хлама разминулся с шальной тройкой и понесся дальше по улице. Нечистые силы, приведшие его в движение, ослабевали.

– Три целковых, – сказал лихач.

– Четвертак, – возразил Пересвет Лютич.

Лошади тут же замедлили бег. Вавила бросил вожжи, обернулся назад и указал на вурдалака, который всю догонял упряжь.

– Милсдари, поймите совесть. У меня вот так же брат умер, – сказал он извиняющимся тоном. – За четвертак я могу, разве что, в лужу пернуть.

– Зачем? – заинтересовался сторож.

– Бажен Нежданович, у вас есть деньги?

– Есть. Но все же, зачем вы собираетесь...

– Полтинник, – продолжил торги Пересвет.

– Два целковых.

– Один.

– Целковый?

– Да.

– По рукам.

Лошадки ускорились.

– Мы не плохие, – на всякий случай уточнил Пересвет. – Это они все плохие.

– Обижаете, господа! – ответил ему Вавила. – Разве могут быть плохими столь щедрые джентльмены, посулившие скромному извозчику аж два рубля?

– Как это два? – опешил одноухий. – Мы же сторговались до одного.

– А вы, мусье, гляньте-ка туда.

Вавила поднял палец кверху. Над повозкой летела Моравна. Лица не разглядеть – далеко. Но можно предположить, что пресностью ее рожа не отличалась. Ведьмы на то и ведьмы, чтобы корчиться от злобы. Все об этом знают.

– Вы уж не обессудьте. У меня так дед умер, – сказал лихач.

В общении Вавила был типичным алкашом-работягой. Он умудрялся извиняться и заискивать одновременно. Он был очень вежлив. И еще он старался вывалить на собеседника все свои познания в иностранных языках, коих, по правде говоря, не было.

– Эксуземуа, вери сори вел! Два целковых. Благородные доны согласны ехать дальше?

– Да, да, да! Гони!

Казалось бы, решено. Но лошади опять изобразили вялость.

– Что теперь-то не так!? – возмутился Пересвет Лютич. Слюнявый злобный вурдалак быстро нагонял повозку. Становилось страшно.

– Если сеньор заплатит мне прямо сейчас, лошади наверняка пойдут быстрее. Вы даже не представляете себе, герр ратник, насколько это жадные до денег твари.

– Бажен Нежданович, дайте ему два рубля!

Сторож развязал холщовый мешочек, достал два серебряных кругляша и расплатился с лихачом. Коняги бросили притворяться и помчались во весь опор.

Про себя Вавила порадовался удачной сделке и решил это дело отметить. Он выудил у себя из-под ног флягу и начал пить. Он не отхлебнул, не засадил, не пригубил и даже не приложился. Он просто стал пить. Так же буднично, как пьет масло кабачок, когда его жарят. А кабы не сивушный запах, который хвостом тянулся за повозкой, можно было бы подумать, что лихач просто решил промочить горлышко колодезной водицей.

Тем временем вурдалак взбодрил конечности и побежал быстрее. Видать, ведьма пришпорила его каким-то чародейским способом.

Нечистый сделал рывок и поравнялся с повозкой. Зловеще прихрюкнув, он повернул свою морду в сторону ратников.

Страшную и несуразную, эту морду как будто бы сшили из почерневшей капусты, потонувшего бредня и той неприятной склизкой штуки, которая вылезает во время родов вместе с малышом.

И не было в ней никакой упорядоченности. Вон там болтается на лице вурдалака какой-то мясной лоскуток, вот тут сваялся упитанный колтун из серой шерсти, а здесь, кажись, растет

поганка. Один глаз заплыл, второй вот-вот вывалится. Зубы натканы кривым частоколом, а носа, вроде бы, вообще нет.

А взгляд мертвый. Подернутый беленой.

– Ми-и-исыцо-о-о! – с нежностью в голосе проревел вурдалак.

Пересвета Лютича проняло. Он отвернулся от нечистого и принялся остервенело насыпать рубин. Помогало слабо.

Вурдалак чувствовал страх. Вурдалак слышал страх. Вурдалак видел и обонял, а может быть даже питался страхом. Так или иначе, он не сводил глаз с одноухого.

А теперь вспомните, *что чаще всего* говорят матери своим детишкам, когда те преследуют повозку с беглыми преступниками... ну или просто носятся по двору. Правильно. Чаще всего в таких случаях матери говорят: «смотри под ноги».

Вурдалак со всей дури влетел в придорожный пень. При этом раздался мерзкий чвкающий звук, будто бы ударили лыжей по куче прелого компоста.

– Мисьцо, – досадно промямлил нечистый, распластавшись на дороге.

– Ух, как приложился! У меня так старшая сестренка померла.

– Расшиблась о пень? – спросил Бажен Нежданович.

– Да, – не раздумывая ни секунды, ответил Вавила.

Тройка насквозь проехала рыночные ряды. Благо, в столь ранний час они пустовали. Сцена крушения овощных развалов, так обязательная для погони, не состоялась.

Дальше дорога стала куда хуже. Повозку затрясло и лошадки сбросили скорость. На этот раз не корысти ради, а для того чтобы не переломать себе ноги.

Моравна круто нырнула вниз. Теперь она летела, чуть не цепляя ногами крыши домов.

Ведьма освободила одну руку от метлы и расчертила руно огня. Тут же рукав Вавилы задымился, как занимающийся стог сырого сена.

– Проживаете в Старом Пороге, али проездом будете? – спросил лихач.

– У тебя рукав горит, – ответил Пересвет.

– Душа у меня горит, – Вавила потушил огонь ладошкой. – Видят боги, не хочу требовать с милсдарей еще один целковый на новый тулуп. *Не хочу!* Так ведь и отказываться некрасиво.

– Бажен Нежданович, – сказал Пересвет.

– Что? – ответил Бажен Нежданович.

Ах, да, – вспомнил Пересвет, – сторож ведь ебанутый.

– Выдайте извозчику еще один рубль.

– Рубль с полтиной, – сказал Вавила, сбивая огонь с коленки.

– Послушай, извозчик...

– Для вас просто Вавила, мусье ратник.

– Вавила, выручи нас. Прошу, уйди от погони. А мы заплатим тебе двадцать рублей.

Согласен?

– Да разве я могу опечалить вас отказом? Нет, милостивые государи, никак не могу.

– И больше никаких торгов? – уточнил Пересвет.

– Никаких торгов.

Через плечо, лихач оценивающе глянул на Моравну.

– От погони, говорите, уйти?

– Да.

– Это от ведьмы что ли?

– Ага.

– Плата вперед.

Пересвет отобрал у сторожа мешок с деньгами и отдал его извозчику.

– Это же на письменные принадлежности! – возмутился Бажен. – Как я теперь буду работать?

– Бажен Нежданович, если вы до сих пор не поняли, то мы в бегах.

– Мы в бегах, – повторил сторож.

– Именно так. Вся Белая Рать сейчас уверена, что мы отступники.

– Мы отступники, – сказал Бажен Нежданович.

Он покатал эту фразу по небу, просмаковал ее вкус и добавил от себя:

– Мы плохие ребяташки.

– Нет, Бажен Нежданович! Это Влад плохой, а мы – хорошие.

– Ну конечно же, Пересвет. Я прекрасно понимаю суть всей ситуации. Влад продал душу Нави и использовал свое положение, чтобы обвинить тебя в связи с ведьмой. По всей видимости, ему очень нужна лампа и он будет тебя преследовать. Досадно, что я оказался к этому причастен. Влад очень целеустремленный мужчина. Он нас убьет.

– Убьет?

– Обязательно убьет, – пообещал сторож.

Упряжка свернула налево, в охотничью слободу.

Тут домики стояли почти вплотную друг к другу. Вместо кустов и грядок, местные дворы украшала различного рода расчлененка. Растянутые шкуры, куски вымоченной кожи, оленье рога, связки куропаток и мясо дичи на продажу.

Казалось бы, на этой улице должно быть жутковато. Ан нет, уютненько.

Вавила повернул еще раз.

Вдали показались распахнутые настежь городские ворота. Впрочем, они были распахнуты всегда. Да и зачем их закрывать? Стены-то при них нет. Справа канава, а слева заросли репейника.

Эту нехитрую конструкцию из трех бревен, стоящих буквой «П», соорудили сугубо для улады глаз. Начнись осада города, так эти ворота, пусть даже и закрытые на тридцать три замка, смогли бы удержать только очень тупого и очень воспитанного супостата.

Лихач встал на передок. Он примерился и перепрыгнул на спину той лошади, что бежала посередке.

С полминуты Вавила возился со всевозможными застежками и ремешками. Что-то треснуло, что-то свистнуло, что-то звякнуло. Вавила рывком стянул с лошадиной морды шоры и поспешил вернуться обратно в повозку.

– У тебя так никто не умер? – поинтересовался Пересвет.

– Бабка моя покойница. Уж больно любила на полном скаку цветы собирать. То ее и погубило.

– У вас очень занятная семья, – сказал Бажен Нежданович.

– Что есть, то есть, – согласился Вавила.

Освобожденная лошадка не верила своему счастью. Она продолжала бежать в тройке даже несмотря на то, что вожжи больше не удерживали ее. Теперь они целиком оказались в руках у извозчика.

Лихач покопался еще чуть-чуть и превратил их в длинную-предлинную веревку. А городские ворота, тем временем, были уже совсем близко.

– Приятно иметь с вами дело, сеньоры, – сказал Вавила. – До новых встреч.

Хлестким ударом, он намотал веревку на верхнюю перекладину ворот и подпрыгнул.

Упряжка помчалась дальше, а Вавила взмыл ввысь. Так особо бесстрашные дети делают на качелях «солнышко».

Будучи на самом верху, извозчик отпустил вожжи и полетел дальше. Он был похож на гонимую ветром пушинку одуванчика, при том условии, что вместо семян на одуванчиках росли бы пьяные мужики по имени Вавила.

Как хорошо, что мне суждено умереть, поперхнувшись свиным копытом, – подумал Вавила, вспоминая пророчество гадалки. С этими мыслями он обхватил руками колени и ядром своего тела врезался в пролетающую мимо ведьму.

Сказать, что Моравна этого не ожидала, все равно, что не сказать ничего. Извозчик сшиб ее с метлы и был таков.

Вавила честно отработал свои денежки и стал падать. К тому моменту, как он проломил крышу хлева Седого, неуправляемая повозка уже проехала мимо недостроенной баньки. Той, что в полуверстах от Старого Порога.

– Бажен Нежданович.

– Да?

– Что ж теперь делать-то? – спросил Пересвет.

– Для начала нам нужно извлечь стрелу из моей руки, – сказал сторож. – И наложить повязку.

Пересвет Лютич обернулся. Трое всадников неслись за ними по пятам.

Мимо просвистела стрела. Просвистела настолько близко, что будь у одноухого левое ухо, сейчас оно стало бы отстреленным.

Отдай ты им эту лампу! – предложил голос Лампы.

Глава третья

В скромной маленькой избе, что в скромной маленькой деревне, жили да не тужили аж пятнадцать человек народу.

Войны, болезни и происки нечистых обходили эту семью стороной. Старики были бодрыми и мудрыми, дети звонкими и розовощеками, мужики крепкими, а бабы дородными.

Но даже в такой образцовой ячейке общества должен был быть урод. Таковы неписанные законы мироздания. И поскольку ярко выраженного уroda не наблюдалось, это звание занял самый неуклюжий.

А точнее *самая*.

Девушка Анна. Умница, мастерица, все при ней, волос пшеничный, глазищи голубые размером с блюдце, да только было в ней что-то такое... медвежье. Она была родом из того племени людей, которые вскрывая банку с соленьями могут в лучшем случае распороть себе руку, а в худшем устроить дворцовый переворот с пожарами и резней на столичной площади.

Так что сегодня, в день рождения старейшего мужчины семьи, ей было велено сидеть в углу и ничего не трогать.

Так она, впрочем, и поступила. Усидчивости ей было не занимать. И если вдруг придется составить рассказ про Анну, который обязан будет включать в себя слова «шило», «в» и «заднице», то он будет примерно таков: «Анна случайно воткнула шило в глаз старосты Гордея Златославыча и получит от отца по заднице».

Итак, Анна тихонечко сидела на лавочке. Справа окно, слева мешки с крупами, над головой полка с различными банками-склянками, а впереди вся жизнь.

Приготовления к празднику шли полным ходом. Бабушки стругали овощи, мать караулила у печи, а отец грузил в тачку всякий хлам. Тот самый хлам, который накопился за зиму и ждал *особого случая*, чтобы оказаться выброшенным.

Дверь открылась. С огромным ушатом мокрого белья, в хату зашла тетушка. Злая и уставшая. И не мудрено, ведь сегодня ей досталось стирать на всю семью. Причем очень тщательно. *Белые вещи*. Праздничные, мать его за ногу. Старику-имениннику, видите ли, будет приятно, что у него выросли такие опрятные дети и внуки. Как будто он видит дальше собственного носа.

– Ы-ы-ы, – сказала тетушка.

Она опустила кадку и круто разогнулась, схватившись за поясницу.

– Я стирала, а вы вешайте, – предъявила она.

– Повесим-повесим. Присядь, отдохни, – сказала мать Анны, ловко сунула ухват в печь и достала оттуда горшок разогретого борща.

Ничто не предвещало беды.

– Аннушка, – ласково пропела одна из бабушек, – принеси-ка маслице.

– Бегу, бабушка!

И Аннушка, схватив с банко-скляночной полки маслице, побежала. И, конечно же, Аннушка это маслице разлила. И, конечно же, кто-то поскользнулся.

Мать Аннушки потеряла сцепление с полом и на одной ноге покатилась по хате. Чтобы не обжечься, она выкинула ухват с борщом вперед себя. Так же опытный воин выкидывает вперед копьё, заметив прореху в стене щитов.

Кипящий снаряд миновал всю комнату и упал – правильно, – в ушат с мокрым бельем.

Отец как раз вез мимо тачку. Он не успел вовремя остановиться и проехал колесом по голове матери. Будь тачка тяжелее, отрезал бы, честное слово.

– Еб твою мать, – выругалась мама Анны. – Ах ты ж...

Самая интересная погоня случается тогда, когда силы равны. А самая *долгая* погоня случается тогда, когда равные силы начинают одновременно заканчиваться.

Эта ночь выдалась гораздо теплее предыдущей. Тем же полем, которым он ехал в Старый Порог, Пересвет Лютич возвращался обратно.

Все те же еловые островки вдоль дороги, все те же беспокойные травы вокруг и все та же половинка луны в небе.

Только проблем стало на порядок больше. Пересвету Лютичу впору было начинать их записывать.

Лошади уже совсем вымотались и еле-еле переставляли ноги.

Как только дорога пошла через лес, повозку пришлось отстегнуть и бросить. Она стала обузой. Уж больно много возникало на пути ручейков, валежников и тропинок, по которым можно было срезать одиночному конному, но никак не запряженной тройке. Так что дальше Бажен и Пересвет ехали каждый верхом на своей лошади.

– Как же засбали эти сверчки, – рявкнул Пересвет Лютич.

Таким раздражительным он был неспроста. Так на нем сказались без малого десять часов езды. Да не абы какой, а без седла.

Спину свело к чертовой матери. Пах распух и зарделся, как гроздь спелой смородины. На заднице натерлась огромная мозоль. Натерлась, надулась, лопнула, содралась, загрубела и уже даже начала блестеть.

В совокупности все это болело с такой силой, как если бы за время погони на причинных местах Пересвета прорезались и тут же застудились зубы.

А вот сторож был спокоен. Пускай и не к лицу такая спокойность человеку, которому пришлось бинтовать свою руку своей же рубахой.

Да, сейчас он был *мужчиной с голым торсом верхом на коне*.

Когда *женщина* говорит эту фразу, она невольно рисует в своем воображении некую картину. Эта картина пьянит и будоражит. Она манит к себе. Она сулит страсть и наслаждение. А еще эта картина не имеет ничего общего с Баженом Неждановичем.

От толстого лысого сторожа, подпоясанного на локоть выше пупка, не будоражился никто.

– Действительно, это немного раздражает, – согласился Бажен Нежданович касаясь сверчков.

– Смотрите!

– Что?

– Вон там!

– Где?

– Там!

– Никого не вижу.

– Конечно, не видите, там уже никого нет.

Пересвет Лютич злился. Злился, но не понимал на кого. То ли на медлительного сторожа, который уже в десятый раз не успевал рассмотреть темный силуэт на обочине, то ли на темный силуэт, который исчезал под взглядом сторожа, то ли на весь этот мир, породивший медлительных сторожей, темные силуэты и сверчков.

Что-то следило за ратниками из темноты. В том, что это была вчерашняя бледная тварь, одноухий не сомневался.

Это тебе мерещится, – успокаивал его Голос Лампы. – *От усталости. Совсем ты дерганый стал*.

Тут кто угодно дерганым станет.

Во-о-от! Сам все понимаешь! Так что давай, не глупи. Ложись спать. Полюшко родное травами укутает, да врагов отведет.

Почему ты постоянно пытаешься меня обмануть?

Обмануть!? Постоянно!? Ты что такое говоришь, бессовестный!? В чем же я тебя обманываю!?

Если я лягу спать в открытом поле, то меня сожрет бледная черноволосая девка.

Не-е-е. Не сожрет.

Ну вот, опять обманываешь.

Не-е-е. Не обманываю.

Обманываешь.

Мамой клянусь, не обманываю!

На горизонте образовалось зарево. Меньшее чем от деревни, но большее, нежели от костра.

А быть может это и есть та самая спасительная лучина в непроглядной тьме? – подумалось Пересвету. – Ну... та самая, о которой талдычат рифмачи всех мастей. Мол, так и так, вокруг тлен до колен, но вдруг все резко меняется. И все живут долго и счастливо.

– О! – коротко воскликнул Бажен. – Да, теперь я видел.

– Правда?

– Да. Это какая-то заграничная нечисть. Во всяком случае, мне неизвестно чтобы нечто подобное водилось в наших краях. Судя по всему, это чудище не привязано к определенному месту и ему под силу покрывать внушительные расстояния. Как славно, что оно охотится за тобой.

– Что ж в этом славного?

– Для тебя ничего. А я, по правде говоря, до сих пор надеюсь выжить. Для начала мне нужно добраться до границы княжества. Потом, если ты до сих пор будешь жив, нужно с тобой разминуться. Чтобы отвести от себя опасность. И в конце концов осесть на некоторое время где-нибудь в глуши.

– Отличный план.

– Спасибо. В нем действительно есть здоровое зерно.

Нет, – подумал Пересвет, – спасительных лучин не бывает. Это все вранье.

И он оказался прав.

Порыв ветра принес звук. Если бы звукам пристало иметь цвет, то этот стал бы отчасти золотым, отчасти пестро-красным. Даже едва различимый среди остервенелого стрекота сверчков, он рвал душу на лоскуты и заставлял передернуть плечами.

Сомнений не оставалось. Впереди стоял цыганский табор.

Сегодня Бахтало не спалось.

Он поставил свой шатер на окраине табора, отказался от вина и вообще производил унылое впечатление. А все потому, что слишком многое навалилось на него за прошлые сутки.

С самого утра пришли цыгане из соседнего клана и сватали своего сына к маленькой Шанте. Вроде бы есть повод порадоваться, но возникает вопрос. А почему до сих пор не сватаются к старшим Вите и Лиле?

А даже если и станет понятно почему, то возникает новый вопрос. Можно ли девушкам, не нарушая цыганских обычаев, сбрить усы?

Потом добрая половина дня ушла на поиски пропавшего Шандора. Сорванец вернулся сам, ведя под уздцы краденого рысака.

Вот и все. Мальчик стал мужчиной. Бахтало должен им гордиться, но обычаи вновь таят в себе подвох. Ну, право дело. Не рано ли пятилетнему мальчишке съезжать от родителей?

Дальше – больше. Средний сын Чирикло занедужил желудком, а Кхамало и Бахтало Младший вырвали золотой зуб у медведя самого Барона. Тем самым они обрекли своего отца на серьезный разговор и, скорее всего, нехилую повинность.

Бахтало пригладил волосы рукой. Меж пальцев остался целый клочок седых завитушек.

Трудно растить семерых детей, – подумал цыган. – Начинаю уставать. И ноги уж не те, и в груди все чаще колет без причины. Да и на рожу без слез не взглянешь. Вся в морщинах, будто это и не рожа вовсе, а вешенки.

Бахтало тяжело вздохнул. Не так, как вздыхают от душевных переживаний, а действительно тяжело – со свистами, хрипами и глубинным бульканьем.

Хотя, чему тут удивляться? Я ведь не молодею. Время несется вскачь и мне уже двадцать два.

Свет костров выцепил из темноты два конных силуэта.

Один – длинный оборванец с мутным взглядом. Второй – полуголый толстяк с рукой, коричневой от запекшейся крови. На секунду Бахтало показалось, что он видел еще и третий, женский силуэт. Но то лишь на секунду.

– Бахтало! – послышалось позади. – Ну-ка иди сюда!

Это кричала его жена Земфира. Голос ее был тем самым, настоящим женским цыганским голосом. В нем был такой надрыв и такая глубина, каких не бывает в голосах других народностей.

– Я занят!

– Чем ты там опять занят!?

– У меня покупатели!

– Какие покупатели в такое время? Иди, помоги! Чирикло опять вырвало!

– Так убери!

– Его вырвало в *твои* сапоги! Я к ним и близко не подойду!

– Замолчи, женщина! Я работаю! – раздраженно крикнул цыган.

Ратники спешились.

– Доброй ночи, – поздоровался Пересвет.

– Доброй-доброй, мои вы золотые, – Бахтало поклонился путникам в пояс. – С чем пожаловали? Судьбу свою узнать желаете, али с медведишкой силой померяться? А может быть, есть настроение покутить?

Какой стереотипный цыган, – подумал Пересвет Лютич.

Слово «стереотип» это анахронизм! – недовольно подметил Голос Лампы.

Слово «анахронизм» тоже анахронизм, – парировал ратник.

И впрямь... Челом бьем, квашня, коромысло! – сказал Голос.

Охальник, полоз, беспроторица, – добавил Пересвет. Тут же им обоим стало гораздо спокойней.

– Нам нужно поменять лошадей, – сказал Бажен Нежданович.

– Да без проб...

– Это очень срочно, – перебил сторож. – За нами погоня. Нас хотят убить.

– А-а-а, – протянул Бахтало. – Вот оно что.

Пересвет Лютич устало заплакал, а хитрый цыган вооружился улыбкой. Причем, в прямом смысле этого слова. Золотая сабля зубов с лязгом покинула губные ножны.

– Лошадей поменять, говорите. Это можно.

– Отлично, – сказал Бажен. – Денег мы с тебя не возьмем.

– Чего? – опешил цыган.

– Считай это жестом великодушия.

– Э-э-э...

– Бажен Нежданович, – Пересвет взял себя в руки, – отгадайте загадку. Под каким деревом волк пережидает грозу?

– Под дубом?

– Нет.

– Под елью?

– Нет.

– Клен?

– Нет.

– Вяз?

– Нет.

Озадаченный Бажен Нежданович уставился в темноту.

– Что происходит? – спросил Бахтало.

– Бахтало! – прокричала из шатра его жена. – Шандор кинул твой сапог в костер! Иди, вытаскивай!

– Женщина, я занят!

– Так, – сказал Пересвет, убедившись, что сторож погрузился в себя чуть более чем полностью. – Давай договариваться.

– Давай.

– Нам нужно поменять лошадей.

– Сорок целковых и по рукам.

– Сколько!? – возмутился Пересвет Лютич. – Да мы за двадцать взяли тройку с телегой и оснасткой!

– Раз так, то можешь попытаться найти дешевле. Например, где-нибудь там, – Бахтало махнул рукой в сторону ночного поля.

– Понятно.

– Ай, как славно, что всем все понятно! Так что? Выводить лошадок?

– У нас... нет денег.

– Ну-у-у, мой ты золотой, так дела не делаются.

– Послушай, я понимаю, что грех не нажиться на чужом горе. Но у нас правда нет денег. Совсем.

Молчание – это такая штука, которая постоянно норовит повиснуть. А иногда, повиснув, она начинает напрягаться. Особенно когда разговор заходит в тупик.

Вот и сейчас. Молчание взяло, да и повисло. Напряженное, как собака с полной пастью горячей нуги.

Прошло с полминуты, перед тем как залихватский свист насмерть резанул это противное висячее молчание. Никто не свистел. Это цыган втянул носом воздух.

– Да, денег у вас действительно нет, – подтвердил он.

– Видишь, я тебе не вру.

Еще один свист.

– Зато, могу поклясться, пахнет каким-то самоцветом.

Свист.

– А если точнее, рубином.

Нет-нет-нет, – завторил про себя Пересвет Лютич, – только не это. Только не рубин. Без него мне не протянуть даже до рассвета.

– Бахтало! – уже совсем недовольно прокричала из шатра Земфира. – Ну-ка иди сюда немедленно!

– Да что опять случилось!?

– Лучше подойди, чтобы я не кричала на весь табор!

– Я не могу! Говори уже!

– Как скажешь! В твоём сапоге запеклась блевотина! Воняет жутко! Я его выкидываю!

– Женщина, угомонись наконец! И прекрати тревожить меня по пустякам! Я пытаюсь работать!

– Работает он! Говорила мне мать, что я с тобой горя нахлебаюсь! Права была!

– Заткнись уже!

– Сам заткнись!

Бахтало крепко зажмурил глаза, как если бы он несколько часов кряду провел за книжкой. Покачал головой. Сплюнул.

– Бабы, – исчерпывающе произнес он. – Так на чем мы остановились? Ах, да. У вас нет денег. Но разве это моя проблема?

– Нет.

Пересвет попытался изобразить жалостливый взгляд, который бывает у евнуха при гареме, но в глубине души визжал от счастья. Цыган позабыл про рубин.

– Но, быть может, мы что-нибудь сообразим? Например, поменяем двух наших *породистых* кобылиц на одну твою клячу?

– *Породистых*? Э-э-э, друг, не ври старому цыгану.

Бахтало видел, что лошади действительно хороши. Холеные, поджарые, грациозные создания саврасой масти. И пускай они устали до изнеможения, сон и еда быстро приведут их в товарный вид.

Бахтало обязательно заберет их себе. Эти скакуны и есть то самое приданное, ради которого соседние кланы закроют глаза на пикантную волосатость его дочерей.

Нужно только повыгоднее сторговаться и дело с концом.

– У всех мужья, как мужья! А этот!? – заорала Земфира.

Далее понеслась непереводаемая цыганская брань, а из шатра вылетел дымящийся сапог. Он просвистел над головой у Пересвета Лютича и скрылся в неизвестности. И уже там, в неизвестности, срывая покрывала мистики и выставляя тайное обыденным, сапог заехал суккубу прямо по лбу.

– Меняю на осла, – вынес вердикт Бахтало.

– На какого еще осла?

– На хорошего, молодого, тяглого осла.

– Но нам нужны лошади! За нами погоня!

– Ваши лошади в обмен на осла. И твои сапоги в обмен на то, что погоня вас не достигнет.

Это мое последнее слово.

– Волк может пережидать грозу под любым деревом, – вылез из чащи собственных мыслей Бажен Нежданович. – Вопрос не имеет смысла. Я прав?

– Нет, Бажен Нежданович. Волк пережидает грозу под мокрым деревом.

Деревня Нижние Низины находилась – вот так диво, – в низине.

Каждую весну ее частично затапливало, и деревня превращалась в настоящее хозяйство по разведению головастика. Правда, в местных исполинских лужах встречались *не только* головастики...

Люто вспениваясь, навверх перли нужники и выгребные ямы. Явившись прямиком из их недр, зловонные карие челноки расплывались по всей деревне. Вокруг куч перегнившего компоста возникали маленькие болотца.

Тут-то в свои права и вступала вонища. Страшная, всепроникающая и осязаемая настолько, что можно отрезать от нее кусочек и намазать на хлеб. Будучи непобедимой, эта вонища могла княжить вплоть до середины лета.

Казалось бы, тяжело так жить. Но это только поначалу. Через пару дней принохиваешься, а через неделю зарабатываешь себе такой насморк, что можно нечаянно задохнуться, если слишком долго пережевывать еду.

Но в общем и целом, вонь была не главной проблемой Низин. *Самой* главной бедой, из-за которой молодежь мечтала поскорее покинуть деревню, был староста Гордей Златославович. Человек очень глупый и очень наивный.

Почему при этом он так долго оставался старостой – большой вопрос. Скорее всего, потому что часто говорил: «я староста», – а мысли и слова мечтают стать материальными. Это известно всем. Особенно тем нищелюбам, которые пишут книги о том, как быстро разбогатеть.

Златославыч верил всему. Он мог бы стать богом наивности, но по наивности не был им.

В раннем детстве он верил тому, что его принес аист. И не в раннем, кстати, тоже. Потом Златославыч верил всем тем девушкам, которые говорили ему о том, что он очень хороший, но воспринимается скорей как старший брат и что когда-нибудь он обязательно встретит свою половинку, но вот только не здесь и не сейчас, а бусы да, бусы спасибо, бусы я оставлю.

Когда Златославыч помыкался по окрестностям и все-таки нашел ту единственную, ей он тоже верил безоговорочно.

Его жена частенько теряла денежку. Она частенько отдавала сиротам последний кусок мяса и страдала провалами в памяти, когда дело касалось ведения хозяйства. А еще она каждую неделю ходила с мужиками в баню. Ведь мужики, они как малые дети. Ничего не соображают. Не равен час как они перепьются и спялят баню к чертям. Следить за ними нужно.

Проследив за мужиками, жена Златославыча возвращалась сильно уставшая и пару дней ходила враскоряку.

Кстати, проблемы с памятью были и у самого Златославыча. Он забывал, как ему отдавали долги. Из-за этого он чувствовал себя очень неловко. В конце концов он вообще перестал упоминать в беседах эту тему.

Дети Златославыча были похожи на соседей, дом на сарай, а жизнь на бред.

К своим сорока с хвостиком, он успел побывать в секте, стать наследником почившего западного короля, сменить корову на волшебные бобы, купить три карты сокровищ и вороного скакуна, который посерел после первого же дождя.

И не каждый другой староста поверил бы в то, что парочка грязных оборванцев верхом на осле – это охотники на нечисть из Белой Рати.

Златославыч накормил путников и уложил их спать в амбаре.

А спустя несколько часов в Низины въехало еще три человека. Кстати, тоже на ослах. Кстати, тоже из Белой Рати. Точней не «тоже», а из *настоящей* Рати, потому как те, первые, на самом деле коварные упыри, которые искали убежища от солнечного света.

Не колеблясь ни секунды, доверчивый Златославыч повел настоящих ратников к амбару.

– Как удачно, что вы так мало спите, – сказал Пересвет.

– Да, – ответил ему сторож.

А получилось действительно удачно.

Во-первых, для того чтобы выспаться Бажену Неждановичу требовалось от силы минут сорок. Во-вторых, он вовремя услышал голоса старосты и Влада. Приближаясь к амбару, они шумно обсуждали ослов, упырей и безграничное радушие Гордея Златославыча.

В-третьих, в стене амбара была дыра. Если попытаться представить себе животное, которому под силу прогрызть такую дыру, то на ум сразу приходит мышь. Да только не обыкновенная мышка-норушка с розовым носиком, а двадцатипудовая тварь с красными глазами, острыми зубами, ядовитым дыханием и розовым носиком.

Как правило, в норку к таким мышкам ходят вооруженной толпой. И ходят только тогда, когда очередная дочь очередного самодержца решается на замужество и требует в подарок голову чудовища.

Здоровенная, короче говоря, была дыра.

Меленькими перебежками от куста к кусту, Пересвет Лютич и Бажен Нежданович перебрались из амбара в хлев. Зверюшки потеснились, но возмущаться не стали.

– Сон отнимает у работы время, – сказал сторож.

– Но вы же сейчас не на работе.

– Так только кажется. Вот, смотри, что я придумал.

Бажен Нежданович достал из штанов кусочек бересты и вручил ее одноухому. На ней была нарисована та самая кастрюля с мельничным колесом. Теперь при помощи неведомых приблуд колесо крепилось цепью к другому, гораздо большему колесу.

А еще сторож начертил стрелочки, дескать, все это дело должно вращаться.

– Смекаешь? – спросил Бажен.

– Да, – соврал Пересвет.

– Бэ-э-э-э! – сказала коза.

– Отойдите, пожалуйста, – вежливо обратился к ней сторож.

Коза не послушалась и получила пинок от одноухого. Босая нога звонко шлепнула по козьей заднице. Животина недовольно заблеяла и отбежала в угол. Оттуда она зло уставилась на обидчика.

Посмотрев сейчас в глаза этой козы, можно было нечаянно достичь просветления. Ее взгляд в пух и прах разносил все религии мира, в которых отрицалась идея перерождения души. Коза была уверена, что когда-нибудь они с Пересветом встретятся снова. При других обстоятельствах и в других телах. И вот тогда-то... тогда-то и посмотрим, кто кому напинает.

Не замечая обиженную скотину, ратники припали к щелке в стене хлева. Две пары глаз внимательно следили за тем, как Влад и его люди рыщут по амбару. Амбар, хлев, изба. В хозяйстве Гордея Златославыча все постройки были ветошью о четырех стенах и худой крыше.

– А это кто? – спросил Пересвет.

– Большой?

– Нет, другой. Тот, что в серой рубахе.

– Это Волчок.

– Волчок?

– Да. Удивительный человек. Обладает звериным нюхом. Пока он помогает Владу, нам не скрыться.

– А вы умеете приободрить, – сказал одноухий. – А большой? Наверняка силач, каких свет не видывал?

– Нет. Это Боря. Он чертовски здорово играет на гусях.

Вот ведь как интересно получается, – подумал Пересвет Лютич, – одним ратникам достаются щедрые дары, а другим какое-то недоразумение. Одним суждено творить чудеса наравне с богами, а другим играть на гусях. Кстати, а...

– Бажен Нежданович, а какой у вас дар?

– Тише. Замолчи и постарайся не пахнуть.

Воздух наполнился опасностью.

Зазвенел коровий колокольчик. Рогатая в панике заметалась по своему стойлу. Маленькие резвые поросятки, которых так и хочется назвать парными, истошно завизжали и забились под бочок нахохлившейся матери.

Со стороны курятника послышалось *такое* остервенелое кудахтанье, какое можно сравнить разве что с перекрестной ссорой четырех пьяных баб.

По всем Нижним Низинам завыли собаки. И даже у той козы, которая помышляла о мести Пересвету, дерзости заметно поубавилось.

Пространство как будто заискрилось. Но только отнюдь не роскошью драгоценных алмазов. Скорее это были отблески на зазубринах бандитского ножа.

По спине у Пересвета Лютича пробежал холодок, а по ушам жарок. Его волосы встали дыбом, а сердце заколотилось чаще.

Что-то мне не по себе, – даже Голос Лампы почувствовал неладное.

– Выбираемся отсюда. Быстро, – сказал сторож. – Волчок взял след.

– У-у-у... – выдохнул Волчок.

Его ноги подкашивались. Изрядно кружилась голова. Волчку было очень-очень плохо. Как будто бы похмелье, предназначенное дюжине выпивох, разом досталось ему одному. А самое обидное, что браги он при этом не выпил ни капли.

– Не могу, – сказал он.

– Ну Волчок, ну миленький, постарайся, – попросил Влад.

– Не могу.

– Ради Белой Рати.

– Ради Рати?

– Ну а ради чего же еще?

– Ладно, попробую.

Волчок шлепнул себя по щеке. Собранности от этого не прибавилось.

И кой черт дернул его присоединиться к погоне? Ах, ну да, это же Влад приказал. Безумец этот Влад.

Волчок медлил. Ему очень не хотелось пользоваться своим даром *здесь*. Чтобы не сойти с ума, он перестал дышать носом еще за несколько верст до Низин.

– Как вы здесь, блядь, живете? – презрительно спросил он у старосты.

– А что не так? – удивился Златославич.

– Все, – ответил Волчок.

Сплюнув в сердцах, ратник сжал кулаки и втянул носом густой воздух Нижних Низин.

Для звериного обоняния Волчка местные запахи были невыносимы. Так же отреагирует ухо обычного человека на гром от молнии, бьющей ему прямо под ноги. Но не так, мол, трах-бабах и все, а постоянно, не прекращая ни на секунду. И где-то за этим оглушительным треском Волчку нужно было услышать робкий шепот. Шепот запаха беглых преступников Пересвета и Бажена.

– У-у-у-у-у... – выдохнул он.

Волчка зашатало из стороны в сторону. Его сознание уже стояло в дверях и выпивало на посошок. Чтобы не упасть, он сел прямо на мягкую болотистую землю Низин.

– Там, – он указал на хлев.

– Боря, иди, проверь.

Боря пошел проверять, а над Волчком сомкнулась темнота. Ему снился кусок жареного мяса, цветущая сирень и свежие березовые опилки.

Меленькими перебежками от куста к кусту, Пересвет Лютич и Бажен Нежданович вернулись из хлева в амбар. Мешки с крупами и овощами не теснились и не возмутились, поскольку разума в них было, как в мешках с крупами и овощами.

– Бажен Нежданович, а вы уверены, что вернуться в амбар – это хорошая затея?

– Нет, – честно ответил сторож.

– Ясненько.

– Это полнейшая глупость и проявление скудоумия.

– Тогда зачем мы это сделали?

– Этого они от нас не ждут.

– Почему?

– Потому что с тобой я.

Пересвет Лютич задумался.

На что это он намекает!? – встрял Голос.

– На что это вы намекаете?

– На то, что Влад не ожидает от меня глупых поступков.

– А от меня?

– А от тебя ожидает.

– Хотите сказать, что я глупый?

– Ну-у-у, – Бажен оценивающе поглядел на Пересвета. – Глупее большинства известных мне людей.

– Чего!?

– Глу-пе-е боль-шин-ства, – чуть помедленнее начал повторять сторож.

– Я не глупый! Это вы, – какого черта я с ним на вы? – Это ты не от мира сего!

– Пересвет, успокойся. Ты отдал все мои деньги сомнительному пьяному типу, а после обменял двух лошадей и сапоги на осла. Такое может сделать лишь человек, который очень мало мыслит в природе вещей и не может задать им объективную – пусть даже и приблизительную, – денежную оценку. Отчасти это и есть глупость. Знаешь сказку про вершки и корешки?

– Да я же нас спас!

– Зато, – сторож пропустил слова о спасении мимо ушей, – ты прекрасно сложен физически. Ты можешь переносить грузы.

– Переносить грузы, – повторил Пересвет.

Да пошел он, – подумал одноухий. – Опять вся надежда только на меня.

Конечно на тебя! Дай им бой!

Издеваешься?

Почему издеваюсь!?! Ты же бывший дружинник! Меч – продолжение руки и всякое такое!

У меня топор.

Значит топор – продолжение руки!

Нет, Лампа. Я, конечно, военному ремеслу обучен, но с этим Борей мне не потягаться.

Это почему же!?

Хотя бы потому, что я вижу *как* он нас ищет. Вот сейчас, например, он в хлеву. Одной рукой приподнял свинью и смотрит, не под ней ли мы прячемся.

Да-а-а, – сочувствующе протянул Голос. – *Тогда пускай этот, умный, решает что делать!*

А и правда.

– Бажен Нежданович, а ты можешь придумать, как уйти от погони?

– Да, – ответил сторож.

- Так придумай.
- Прямо сейчас?
- Да.
- Хорошо. Есть одна мыслишка.

Содружество лба и лысины Бажена Неждановича наморщилось. Словно старый шрам от лапы гигантской кошки, из ниоткуда возникли его думательные складочки.

Сторож принялся ощупывать мешки. Он явно искал что-то определенное. Тут репа. Тут мука. Дальше горох, гречка, репа, овес, репа, еще репа и... вот оно. Искомое было найдено. В руке у сторожа оказалась огромная невымытая морковь.

- Раздевайся, – приказал Бажен Нежданович.

Волчок провел рубанком по дереву. Свежий березовый спил послушно расходился на белобрысые завитушки. Волчок не пытался сделать из него ничего определенного. Он просто строгал. Строгал и нюхал.

О боги, как же пахнут опилки! Лучшие всего на свете! – думал Волчок.

В опровержение этих слов тут же подул ветер. Словно фиолетовая метелица, на него налетели лепестки сирени.

Как же здорово, – ликовал Волчок. *– Не хватает разве что... о!*

Чья-то рука поднесла ему прямо под нос кусок зажаристого мяса. Жизнь удалась. Жизнь уже удалась, а впереди еще столько планов. Покосить траву, испечь хлеб, прогуляться под дождем по хвойному лесу.

А слабо, – обратился Волчок к руке, *– найти цветок ванили?*

Рука исчезла. Вместе с ней исчез и благоухающий кусок мяса. Вновь подул ветер. Вновь прохладные лепестки прощуршали по его лицу.

Все эти высказывания и поговорки о счастье, – думал Волчок, *– придумывают люди глубоко несчастные. Действительно, зачем думать о счастье, когда ты счастлив? Зачем чего-то там мозговать, напрягаться, подбирать слова? Какой-то червячок недовольства должен копошиться в душе, чтобы человек стал задумываться о природе счастья.*

Ну, действительно. Видел ли кто-нибудь когда-нибудь, чтобы дедок, проживший со своей бабушкой душа в душу всю жизнь, начинал выдумывать какие-нибудь высокопарные мудрости о любви? Или того хуже, сыпать советами? Да никто такого не видал. Так же и со счастьем. Ты просто счастлив и все... что... что это такое? Что это...

Рука вернулась. Мало того что она не нашла цветок ванили, так она еще и испачкалась в чем-то буро-коричневом.

Это же... это... не-е-е-т!

Рука сжалась в кулак. Затем от кулака оттопырились два склизких пальца. Они угрожающе заходили вверх-вниз на манер «идет коза рогатая».

Нет! Пожалуйста, не-е-е-е-т!

Пальцы не слушали. Они вонзились в ноздри Волчка и полезли дальше. Глубже, глубже, глубже, прямо в мозг.

- Не-е-е-т! – заорал Волчок.

Когда люди возвращаются из забвения, они для начала садятся. Садятся, а уж потом встают и – если им так заблагорассудится, – прыгают. Волчку же удалось подпрыгнуть выше собственного роста из положения лежа на спине.

Бедолагу окатили студеной дождевой водой. Именно дождевой, потому как колодцев в Нижних Низинах не было. По понятным причинам.

Волчок очнулся ото сна. Жалкий, мокрый. Ресницы заправлены внутрь, трава в волосах.

– Там пусто, – Влад сразу же перешел к делу.

– Что?

– Их там нет.

– Где?

– В хлеву.

Мечник говорил тихо и дружелюбно. Кажется, он даже улыбался.

Дело плохо, – смекнул Волчок. – Очень-очень плохо.

– Но я же почувствовал...

– Ты ошибся.

Сросшиеся брови Влада задергались так, будто в них напустили орды голодных вшей. Напряглись и забегали желваки.

– Попробуй еще раз.

– Пожалуйста, не надо.

– Пробуй еще!

Волчок заплакал. Спорить с этим человеком бессмысленно. Он одержим. Он опасен. Старшие ратники говорили, что если на живот человеку посадить Влада, накрыть его железным ведром и кинуть сверху огниво...

– Я сказал, пробуй еще! Найди их! Быстро!

– Пожалуйста, ты же видишь, как мне плохо, – сквозь слезы упрашивал Волчок.

– Ты будешь слушаться, – Влад притянул его за шиворот. – Ты будешь нюхать до тех пор, пока я не разрешу остановиться. Ты понял?

– Да.

Волчок утер слезы. Делать было нечего. Из темного закоулка его памяти вылезла поговорка о том, что перед смертью не надышишься. Человек, который придумал ее, явно никогда не бывал в Нижних Низинах.

Вдох.

Тошнотворный смрад заполнил все его существо. На этот раз Волчку было не просто плохо. На этот раз ему было больно. К запахам дерьма и гнили примешался еще один. Резкий и металлический. Запах... крови?

Выдох.

С неподдельным ужасом, Волчок сунул палец себе в нос. Да, он так и думал. Ноздри кровоточили. Он перевел взгляд с окровавленного пальца на Влада.

Что-то происходило с мечником. Что-то недоброе.

В этом коротышке произрастала злость. Она цвела и плодоносила. И столько ее накопилось во Владе, что если слегка поменять устройство мира и присвоить злости самую-пресамую малюсенькую единичку плотности, то его разорвет, да так что остатки потом будут собирать по всем Пяти Княжествам.

Нужно постараться. Нужно сделать то, что хочет Влад.

Вдох.

– Есть! – обрадовался Волчок.

Он вычленил нужный запах и теперь держался за него изо всех сил. Примерно такое же усилие требуется приложить, чтобы двумя пальцами удерживать за хвост бесноватую щуку.

Выдох и тут же вдох.

Он движется, – понял Волчок и просиял. – Запах движется! Он уходит из деревни. *Они уходят из этой ебаной деревни!*

– Они удаляются.

Выдох-вдох.

– Причем быстро.

– По коням! – заорал Влад.

– Э-э-э, – Боря почесал в затылке. – По ослам?

– По ослам!

Торопливо цокая, три гончих ослика убегали из Нижних Низин.

Волчок не ошибся. Просто ему очень захотелось, чтобы запах Пересвета Лютича и Бажена Неждановича уводил прочь из этого гиблого места. И он действительно уводил прочь. Ошибки не было, он мог бы поклясться.

Другое дело *разум* Волчка. Измученный до предела, он отчаялся. Он понял, что на хозяйина надеяться бесполезно и решил защитить себя сам. Он умолчал Волчку о том, что другой, точь в точь такой же запах остается в Низинах и поныне.

– Получилось, – сказал Бажен Нежданович.

Чуть ранее сторож запахал всю их с Пересветом одежду в сумку и взвалил сумку на осла. К спине животного он привязал палку, а к палке морковку. Получилось так, что корнеплод болтался прямо перед серой мордой скотинки.

Ну-да, ну-да, – подумал осел, – э-ка ты меня обманул, хитрюга хуев.

Презрительно фыркнув, осел побрел по дороге. Запах пота и крови ратников побрел вместе с ним.

Сами ратники схоронились в кустах орешника, что неряшливо рос у ближайшей избы. Когда обманутый Влад вместе со своими людьми скрылся за горизонтом – а в Нижних Низинах горизонт располагается довольно близко, – ратники вылезли из укрытия.

Опасность миновала.

По этому поводу одноухий испытывал целый пучок различных чувств. Некоторые из них были весьма странными. Например, он испытывал гнетущую пустоту внутри себя из-за того, что никто не пытается его убить. Ни ведьма, ни бледное проклятие, ни Влад.

Даже Лампа предательски молчит и не норовит предложить очередное затейливое самоубийство.

Никому нет дела до бедного Пересвета Лютича. Его будто бы бросили за ненадобностью, как старую игрушку.

Эх, старые добрые покушения на жизнь Пересвета. Как говорится, имел, да не ценил. А погоня? За последние два дня он накрепко привык к погоне. И теперь без нее так тоскливо и пасмурно стало на душе, что впору идти колотить палкой осиное гнездо.

Наступил полдень. Сегодня было еще теплее, чем вчера. А завтра, скорее всего, будет теплее, чем сегодня. Хорошая выдалась весна, целеустремленная. Безо всяких там нечаянностей. Прет напролом и навязывает миру свои цветочки-бабочки вне зависимости от того, чего этот мир хочет.

Сторож стоял, уперев руки в боки. В отличие от Пересвета, который сгреб свое достоинство в ладошку, Бажен Нежданович не смущался наготы. Ведь как известно, стыдно тому, у кого видно. А у сторожа ничего такого не видать. Его срамота надежно укрылась под нежной рыхлостью висячего пуза.

– Распогодилось, – почесываясь, отметил Бажен Нежданович.

– Ага, – подтвердил Пересвет. – Что будем делать дальше?

– Я бы перекусил.

– Может, сперва найдем одежду?

Одетый в рубин, ремень и сумку через плечо, Пересвет чувствовал себя неловко. Особенно здесь. На дворе чужого дома чужой деревни.

– Попросим одежду у местных, – Бажен указал на ближайшую избу. – Там же и пообедаем.

– Нет!

– Почему?

– Ты голый!

– Я знаю.

– И что, тебя ничего не смущает?

– Нет. Вот если бы я просил одежду, будучи одетым...

– А еще в этой деревне нас считают упырями!

– Глупость. Мы белые ратники.

– Так-то да, но деревенские уверены в обратном.

– Пересвет, люди твоего склада ума должны колоть дрова или дубить кожу. Оставь общение с людьми и составление планов мне. Я могу легко доказать, что я не упырь. Любым общеизвестным способом. Могу подолгу находиться на солнце. Могу войти в дом без приглашения. Могу выйти из мелового круга.

– Войти в дом? На солнце? Из круга? – Пересвет хохотнул. – Упырь ты или нет, будут проверять при помощи киянки и деревянного колышка.

Бажен Нежданович помотал головой и сочувственно посмотрел на Пересвета. Так же породистая борзая смотрит на дворнягу, которая пытается догнать свой хвост.

– Пересвет, – выдохнул он, – это известное заблуждение. Никакой колышек тебе не поможет. Упырю нужно отрубить голову.

– Вот *именно так* им и скажешь.

– Именно так и скажу.

А что? Жирный дело говорит! – проснулся Голос.

– Послушай, Пересвет. Мы – Белая Рать. Мы вправе требовать от людей помощи. Так же, как они требуют ее от нас.

– Ы-ы-ы, – слышалось невдалеке.

– Прячься! – шепотом прокричал Пересвет.

– Зачем?

– Ы-ы-ы, – еще ближе.

– Прячься, я сказал!

Сторож не послушался. Тогда Пересвет обхватил его обеими руками, прижался к нему крепко-крепко и прогибом бросил через себя. Обнаженная тушка Бажена Неждановича пропала в кустах.

– Ы-ы-ы-ы, – раздалось уже совсем близко.

Лишь чудом женщина не заметила Пересвета, ползущего в орешник вслед за сторожем. Покряхтывая, она прошла мимо, поднялась на низенькое крыльцо и вошла в избу. Изнутри слышались голоса.

– Делай, что говорю! – вполголоса проорал Пересвет.

– Не буду.

– Нас чуть не обнаружили!

– И что?

И что? – подумал Пересвет, – А как тебе это?

Одноухий ударил сторожа в пузо. Тот согнулся пополам. На лбу сторожа проступили думательные складочки.

– Аннушка, – раздалось из окна, – принеси-ка маслице.

– Бегу, бабушка!

И грянул грохот. И крик, и визг, и лязг железный, и мокрый всплеск, и деревянный скрип. И чего только еще не послышалось из избы. А когда все стихло, чей-то голос злобно произнес:

– Еб твою мать. Ах ты ж дура косорукая!

– Мамочка, я случайно!

– У тебя все случайно!

– Я не хотела!

– Это я тебя не хотела!

Дверь распахнулась и из нее стрелой выбежала зареванная девушка. Предположительно, косорукая дура. Вслед за ней с полным ушатом чего-то розового вышла разъяренная женщина. Выглядела она так, будто бы ее только что переехали груженной тачкой по лицу – на такие вещи невольно обращаешь внимание.

– Весь праздник насмарку! – крикнула она и вылила ушат прямо на орешник. На ратников обрушился град из некогда чистой белой одежды, картошечки, капусточки и свекопочки.

– Ай, – вырвалось у Пересвета.

– Хм? – спросила женщина с помятым лицом.

– Мяс? – предположил ратник.

– Ебучие коты! – крикнула она.

Женщина решительно погонила остатки борща по дну ушата и еще раз окатила кусты. Вскоре она ушла.

– Хотел просить помощи у местных? – спросил Пересвет. – Вот тебе, пожалуйста. И одежда, и еда.

Кушать ратники, конечно, не стали. А вот к примеркам приступили сразу же.

Одноухий быстро нашел себе подходящую рубаху и подходящие штаны. Хотя слово «подходящий» в данном случае немного извращено. Мужики в Нижних Низинах – под стать названию деревни, – были весьма приземисты. Розовая рубаха Пересвета кокетливо приоткрывала пупок, а розовые штанишки еле-еле доходили до щиколоток. Тем не менее, Пересвет *оделся*.

А вот с Баженом Неждановичем пришлось повозиться. Все портки, которые удавалось натянуть на его массивный зад, рвались при первом же движении, а рубахи оказывались слишком приталенными для человека с выпуклой талией.

Зато сторожу пришлось впору платьице старшей сестры Аннушки, которая как раз была на сносях.

– Нужно выбираться отсюда, – сказал Пересвет.

– Куда пойдем? – спросил Бажен.

– Ты к границе княжества, как и хотел. А я, – и тут одноухий понял, что совершенно не знает, что же ему делать дальше. – А я не знаю куда. Наверное, буду искать пленных ордынцев. Покажу им лампу, попрошу о помощи. Мое проклятие так никуда и не делось.

– Ты знаешь, у меня появились некоторые соображения насчет лампы, – сказал Бажен. – Есть одно село на берегу озера, там живет мой старинный друг. Он трудится волхвом и на «ты» со всякими волшебными безделушками. Можем попросить его взглянуть.

– У тебя есть *друг*? – не поверил своему уху Пересвет.

– Да.

– А он точно в своем уме?

– Страдает незначительными расстройствами личности.

Пересвет немного успокоился.

– Впрочем, как и любой волхв, – продолжил Бажен Нежданович. – Общение с богами даже вредно для рассудка.

– И что, ты хочешь мне помочь?

– А почему бы и нет? – сказал Бажен. – Соберу интересный материал о восточной нечисти, напишу книгу.

Вот как, – подумал Пересвет, – стоило разок ударить этого тюфяка по пузу, как он вдруг стал шелковым. Надо бы почаще его колотить.

– Да и к тому же моя библиотека. Труд всей моей жизни. Уничтожить Влада будет проще, чем собрать ее заново.

– Ага. Стало быть, будем уничтожать Влада?

– Думаю, да. После того как избавимся от проклятия. Когда кто-то хочет тебя убить, весьма резонно попытаться сыграть на опережение и убить его первым.

– Хорошо. Тогда показывай куда идти.

– Туда, – указал Бажен.

– Куда!? – спросил Гордей Златославич, который уже минут десять наблюдал за ратниками. – Куда собрались, упыри!?

Оказалось, что Бажен Нежданович неплохо бегаёт. Задирая подол, он перемахивал через кусты и овраги.

Все-таки упырь – это не та нечисть, при появлении которой стоит сетовать на злой рок и сидеть, сложа руки. Упыря можно разрубить на куски. А после того как минует полночь и он чудесным образом восстанет, разрубить снова. А потом снова, и снова, и снова. И так вплоть до приезда Белой Рати.

Потому и высыпала из домов толпа людей. И во главе той толпы бежал сухой старик со ржавыми вилами. Пересвет Лютич дал бы три к одному, что этого старика звали Володей.

Погоня! – думал он. – Как же здорово!

Глава четвертая

Примерно в то же самое время на окраине села Жабрино, что стоит на берегу Леденского озера – а именно там проживал знакомый волхв Бажена Неждановича, – из одной ветхой избы повалил черный дым.

– Вы там как? – крикнул в окно мальчишка лет шестнадцати, старший из трех братьев-погодок.

– Нормально! – ответил хриплый голос откуда-то из дыма.

Прошло минут двадцать.

Дым стал насыщенней и все больше стелился по земле, нежели уходил вверх. Теперь его правильной было бы назвать взвесью или, быть может, злым чадом.

Братья нервничали.

– Ну как вы там? – в очередной раз спросил старший.

Ответа не последовало.

– Эй! Ау?

– Может, помер? – шепотом предположил средний брат. – Задохнулся?

– Не нравится мне все это, – еще тише среднего сказал младший.

И тут дверь избы распахнулась. На пороге появился мужчина. С макушки до пят его покрывал толстый слой сажи. Оставив одну лишь узкую щелочку для глаз, вокруг его головы была намотана тряпка.

Неспешной походкой хозяина жизни он отошел от избы шагов на двадцать. Под стать своей походке, он очень важно развернулся и очень важно оглядел избу.

– Ну? – спросил его старший брат.

Мужчина молчал. Не секрет, что умеючи можно задать молчанию почти любой тон. Так вот, мужчина молчал очень круто. Так, что аж дух захватывало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.